

Democratic Change and Gender: The "Foremother exercise"

Andrea Peto, Waaldijk Berteke

► To cite this version:

Andrea Peto, Waaldijk Berteke. Democratic Change and Gender: The "Foremother exercise". 2021. <hal-03197559>

HAL Id: hal-03197559

<https://hal.science/hal-03197559v1>

Preprint submitted on 13 Apr 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

HAL Authorization

*Демократические перемены и гендер:
«Упражнение прародительница»*

Редактировали: Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк

*Democratic Change and Gender:
The 'Foremother Exercise'*

Edited by Andrea Pető and Berteke Waaldijk

*Демократические перемены и гендер:
«Упражнение прародительница»*

*Democratic Change and Gender:
The 'Foremother Exercise'*

Осуществлено в рамках проекта:
«Развитие Беларуских Женских
Движений и Организаций»

Prepared in the framework:
'Strengthening the Capacity of Belarusian Women
Movements and Organizations'

Редактировали: Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк
Edited by Andrea Pető and Berteke Waaldijk

Перевод и редакторское содействие: София Кери
Editorial assistance and translation by Sophia Kéri

Издается Международным Центром Демократического Перехода
Published by the International Centre for Democratic Transition
2008

Финансирование: Шведское Правительство
With the financial support of the Government of Sweden

ISBN 978 963 06 5763 1

Copyright © 2008 by the International Centre for Democratic Transition (ICDT)

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles or reviews. For information address the International Centre for Democratic Transition (ICDT), Hungary, 1022 Budapest, Árvácska utca 12.

Printed in Hungary

СОДЕРЖАНИЕ

1, Соня Лихт: Приветствие	4
2, Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк: Предисловие.....	8
3, Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк: Теоретическое введение	14
4, Задания семинара «Прародительница».....	34
5, Эссе «Прародительница».....	34
Наталья Белоокая.....	38
Александра Дынько.....	44
Татьяна Кнотько.....	52
Юлия Ляшкевич	60
Ольга Шестакова	64
Марина Сторовойтова.....	74
Галина Устинова.....	82
6, Описание проекта	88
7, Кирайн Бакс: Фото-эссе о выставке «Прародительница»	92

TABLE OF CONTENTS

1, Sonja Licht: Welcoming Words	5
2, Andrea Pető and Berteke Waaldijk: Foreword	9
3, Andrea Pető and Berteke Waaldijk: Theoretical Introduction.....	15
4, The Foremother Exercise: Tasks and Assignments	35
5, The 'Foremother' Essays.....	35
Natalya Belookaya	39
Alexandra Dynko.....	45
Tatiana Knotko.....	53
Yulia Liashkevich	61
Olga Shestakova	65
Marina Storovoytova	75
Galina Ustinova	83
6, Project Description.....	89
7, Quirijn Backx: Photo Essay on the 'Foremother' Installation	92

ПРИВЕТСТВИЕ

Соня Лихт

Соня Лихт является Президентом Белградского Фонда Политического Мастерства (Сербия), а также Председателем Исполнительного Комитета ICDT.

Демократия и гендер

Возможно-ли установить демократию без увеличения роли всех существенных персонажей общественной жизни данного общества в первую очередь, и без распространения прав женщин и гендерного равенства во-вторых? Мы, сотрудники Международного Центра Демократического Перехода глубоко убеждены, что ответы на оба вопроса отрицательные. Поэтому мы решили с самого начала существования ICDT обращать особое внимание на роль женщин в развитии истинного демократического образа жизни в странах перехода.

Позвольте мне сначала объяснить, почему ответы на вопросы выше – прямолинейное отрицание. Если демократия это власть большинства и общественный строй с самым высоким участием граждан и гуманитарностью до сих пор – большинство теоретиков соглашались с обоими из этих предположений, – то в этом случае как мужчины, так и женщины должны быть включены, как активные участники, в строительство структур, учреждений, процедур, ценностей, нормы, и т.п. демократии. Если любая из этих двух групп исключена из процесса, тогда дальше мы не можем говорить о власти большинства. То же самое верно для второго предположения: если какой-либо из двух полов не приобщен к событиям, тогда не может быть речи ни об участнической, ни о гуманистической природе этих систем. Демократия должна присоединять, а не исключать. Мы, кто жили при тоталитарных режимах, знают очень хорошо, что они были основаны и поддерживались на исключении, и это один из главных принципов всех не демократических режимов. Поэтому, если одна группа людей – и здесь мы говорим о половине граждан страны – не получает равные с другой половиной возможности в формировании политической, экономической и общественной жизни их общества, мы просто не можем назвать это действительно демократическим обществом/государством.

А как насчет прав женщин и гендерного равенства? Одно из самых любимых заявлений тех, кто хотел построить демократию без полного признания

WELCOMING WORDS

Sonja Licht

Sonja Licht is the President of the Belgrade Fund for Political Excellence (Serbia), and also the Chairperson of the Executive Committee of the ICDT.

Democracy and Gender

Is it possible to develop democracy without first, enhancing the role of all substantial actors of public life within a given society, and second, without developing women rights and gender equality?

The ICDT is deeply convinced that answers to both questions are negative. This is why it decided from the very beginning of its existence to pay a special attention to the role of women in developing a genuine democratic way of life in transition countries.

Let me first try to explain why the answers to above asked questions are so straightforward negative. If democracy is the rule of majority and the most participative and human social order developed so far – most theoreticians agree with both of these assumptions – than it must include both men and women as active participants in building its frameworks, institutions, procedures, values, norms etc. If either of these two groups is left out than we cannot speak any more about the rule of the majority. The same is true for the second assumption: if any of the two genders are neglected then we cannot speak neither of participatory nor of humanistic nature of these systems. Democracy is about inclusion not exclusion. We who lived in totalitarian societies know very well that they were founded and sustained on exclusion, and this is one of the major principles of all non-democratic regimes. Thus, if one group of people, and here we talk about half of the citizens of a country, are not given the same opportunities to shape the political, economic, public life of their society as the other half we simply cannot say that this is a really democratic society/state.

And what about women rights and gender equality? It was one of the most beloved statements of those who wanted to build democracy without full respect for human rights that those rights should wait until all the other “more important” premises of democratic order are in place. Again, we who witnessed the notorious results of such “democracies” know that basic human and civic rights, including specific rights

прав человека было то, что эти права могут подождать, пока все остальные «более важные» предпосылки демократического строя не осуществлены. Опять же, мы, кто были свидетелями известных печальных результатов таких «демократий», знаем, что основные права человека и гражданские права, в том числе и особенные права всех уязвимых групп – к сожалению, в большинстве обществ женщины все еще принадлежат к этим группам – являются истинным фундаментом демократии. Поэтому с ними нельзя медлить. Это – не роскошь. Эти права основное требование для всех, кто хочет распространять демократические ценности и создать механизмы для их защиты.

Богатый опыт демократических переходов преподавал нам много ценных уроков, включая и выше упомянутые. Они также приблизили к пониманию того простого факта, что демократический переход является длинным и болезненным процессом, и чем больше ресурсов привлекается, тем менее болезненным и тем успешнее может оказаться этот процесс. Поэтому, ICDT посвятил себя идентификации всех ресурсов, которые могут ускорить и увеличить масштабы этого процесса. Мы не сомневаемся, что определение потенциалов всего человеческого капитала, которым располагает данное общество, является самой главной задачей, с которой сталкивается каждый переход. Женщины находятся обычно среди самых главных непризнанных ресурсов в большинстве стран перехода. Если предоставить им возможность и если обстоятельства оказываются благоприятными, они из сторонящейся реформ социальной группы могут превратиться в главных агентов изменения. Женщины способны творчески подойти к новым заданиям: от строительства истинного гражданского общества до создания новой парадигмы безопасности, которая отделилась бы от авторитарного подхода управления сверху, в сторону более демократического подхода, основанного на ценностях и принципах человеческой безопасности.

Женщины в Беларуси мечтают о большей свободе, о демократии, о лучшей жизни, о безопасности, как и женщины повсюду в нашем мире. Они все еще живут в закрытом обществе, которое действительно не поддерживает такие мечты. Но без грез, и без тех, кто готов их достичь, изменения не происходят. Важно знать, что эти женщины находятся среди нас, что они готовы учиться у других, что они готовы использовать знания тех, кто приобрели их продумав все и приспособив последние к их собственным потребностям и возможностям. Я надеюсь, что эта книга, а также и весь проект ICDT поможет им и другим женщинам в похожих условиях, чтобы понять, что они не одни, что они – обязательная составительная каждой демократической структуры, и что они способны на это.

of all vulnerable groups – unfortunately in most societies women still belong to those groups – are the very fundament of democracy. Thus, they cannot wait. They are not a luxury. They are a must for all those who want to establish democratic values and mechanisms for protection of those values.

The rich experience of transitions to democracy taught us many valuable lessons, including the ones just mentioned. They also paved the way to the understanding of a simple fact that democratic transition is a long and painful process and the more resources are engaged the less painful and more successful the process might be. Thus, the ICDT devoted itself to identifying all those resources that could enhance and accelerate the process. There is no doubt in our mind that discovering the potentials of the entire human capital a society is equipped with is the most important task every transition is faced with. Women are usually among the most important unrecognized resources in most of the transition societies. If they are given a chance and if the circumstances are favorable they can turn from a social group afraid of reforms into a major agent of change. Women can play a very creative role from building a genuine civil society to establishing a new security paradigm, which would move away from authoritarian top-down approach to a more democratic one based on the values and principles of human security.

Women in Belarus are dreaming about more freedom, democracy, better life, security as do women throughout our entire globe. They are still living in a closed society, which is not really open for such dreams. But without dreams and those who are ready to achieve them change does not happen. It is important to know that those women exist, that they are ready to learn from others and to implement the knowledge others gained by thinking it through and adapting it to their own needs and opportunities. I hope that this book and the entire ICDT's project will help them and other women in similar circumstances to understand that they are not alone, that they are the indispensable building block of every democratic structure and that they can do it.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Бертеке Ваалдайк и Андреа Петё на семинаре
«Прародительница» в Вильнюсе, Литве
27 апреля 2008г.*

Андреа Петё

Андреа Петё – историк, является Доцентом Отдела Гендерных Исследований Центрального Европейского Университета в Будапеште (Венгрия).

Бертеке Ваалдайк

Бертеке Ваалдайк – историк, в настоящем времени – Профессор Филологических и Культурных Исследований в Утрехтском Университете (Нидерланды), параллельно занимает позицию академического координатора Тематической Сети Европейских Женских Исследований АФИНАз, сети женских исследований спонсированной ЕС.

Работа с образами прародительниц имеет длинную и впечатляющую традицию в практике гендерных исследований. Прародительницы могут быть женскими членами семьи более раннего поколения, профессиональными предшественниками, или вдохновляющими примерами и политическими героинями. В этом проекте опыты этой феминистической педагогической традиции комбинируются с новыми возможностями поддержки демократических перемен. Процесс писания и рассказа о прародительницах в контексте европейской и всемирной истории – выдающийся образовательный и учебный инструмент. Наиболее эффективное использование и усовершенствование последнего возможно в ситуациях, где студенты разных наций, культурных и этнических традиций учатся вместе. Мы взялись за дальнейшее развитие преподавательского упражнения для проекта «Развитие Беларуских Женских Движений и Организаций», организованным Международным Центром Демократического Перехода в Литве в двух частях: 21-24 февраля и 26-29 апреля, 2008г.¹

¹ Краткое изложение этого упражнения: Обучение воспоминаниями. Европейские женские истории на международных и междисциплинарных семинарах. Андреа Петё, Бертеке Ваалдайк (ред.), (Центр Женских Исследований, Университет Печати Голуэя, 2006, второе издание: 2007, третье издание: 2008).

FOREWORD

Andrea Pető

Andrea Pető is a historian. She is an Associate Professor of the Department of Gender Studies at the Central European University, Budapest, Hungary.

Berteke Waaldijk

Berteke Waaldijk is a historian. She is a Professor of Language and Culture Studies at Utrecht University (the Netherlands) and the academic coordinator of ATHENA3, Advanced Thematic Network in European Women's Studies; an EU-sponsored network of Women's Studies.

Working on foremothers has a long and impressive tradition in teaching women's studies. Foremothers can be female family members of an earlier generation, professional predecessors or inspiring examples and political heroines. In this project the experiences of this feminist pedagogic tradition are combined with the new possibilities of enhancing democratic change. Writing and talking about them in the context of European and world history is an outstanding educational and training tool. It can be most effectively used and improved in situations where students from different national, cultural and ethnic backgrounds learn together. For the training: "Strengthening the Capacity of Belarusian Women Movements and Organizations" organized by the International Centre for Democratic Transition in Lithuania from 21-24 February and 26-29 April 2008, we developed the teaching exercise further.¹

The selected participants, women's activists and gender studies scholars from Belarus are facing with the different issues such as broken genealogies, lack of respect for women's pasts. The specific structure – absence – of civil society in Belarus results in the 'privatization' of memories. The images of the past are related to family stories, and it is often hard to connect them to public narratives about the past. The exercise offers an unconventional possibility to take a fresh look at the perspectives of women's movement in Belarus.

We divided the exercise into two parts (see the detailed description of the assignment further in the volume). In the first part we asked the participants to write about one woman, whose life they are admiring and find remarkable for their own lives.

¹ For a previous summary of this teaching exercise: Teaching with Memories. European Women's Histories in International and Interdisciplinary Classrooms. Andrea Pető, Berteke Waaldijk (eds.), Women's Studies Centre, (University of Galway Press, 2006, second edition: 2007, third edition: 2008).

Отобранные участники, женские активисты и белорусские исследователи гендера сталкиваются с различными проблемами, как например прерванные генеалогии, отсутствие уважения к женскому прошлому. Специфическая структура – отсутствие – гражданского общества в Беларуси приводит к «приватизации» воспоминаний. Изображения прошлого связаны с семейными историями, и их часто трудно соединить с общественной нарративой о прошедшем времени. Упражнение предлагает нешаблонную возможность взглянуть свежим взглядом на перспективы женского движения в Беларуси.

Мы разделили упражнение на две части (читайте детальное описание задания дальше в тексте). В первой части мы попросили участников написать о женщине, чьей жизнью они восхищаются, и о необычном для них самих поиске информации.

На втором семинаре мы сконцентрировали внимание на выставке. Виртуальная и реальная выставка не только показала радость творческой работы, отраженную в фото-эссе далее, но и привлекла внимание к очень мощному – визуальному – способу мышления о том, как перемены происходят.

«Упражнение-прародительница» включает семинар, выставку и публикацию историй жизней женщин, написанных участниками. Этот формат позволяет активистам, вовлеченных в общественную деятельность и переходную политику, рефлексировать на их собственную позицию и опыт. В то же время, полученные знания об исторических, национальных и межнациональных тенденциях расширяют кругозор участников. Эти знания и понимание процессов помогут им в развитии стратегий при организации и мобилизации других активистов в проектах, направленных на привитие новых политических культур и демократических методов. Все это поможет участникам стать активными политическими участниками, способными работать в бросающем вызов политическом контексте. Это упражнение освободит участников от эмоционального бремени и политически парализующего чувства необходимости «изобретать колесо заново». Каждая политическая культура имеет традиции демократических методов в своем прошлом. Критическая задача – поднять эти традиции на поверхность и снова превратить их в источник вдохновения. Неформальные, личные и неофициальные истории здесь играют ключевую роль – это часто были исключительными формами сохранения демократии в памяти граждан антидемократических режимов.

Открывая пространство для сравнения политического, социального и культурного опыта исключения и включения, упражнение расширяет концепцию демократии. Рассказав, написав и издав эти истории, участники дотрагиваются до читателя. В данном случае это упражнение – инструмент для перестроения общества и для укрепления потенциала демократических перемен.

For the second training we focused on the exhibition. The virtual and real life exhibition not only gave the joy of creative work reflected in the photo essay on the event in the volume, but also pulled in the visual as a powerful way of thinking about how change happens.

The ‘foremother-exercise’ includes a workshop, reflection and publication of life stories of women composed by the participants. This format allows those involved in activism and transitional politics to reflect on their own position and experience. At the same time it empowers the participants through gaining knowledge about historical, national and trans-national trends. This knowledge and insight will help them in developing strategies in organizing and mobilizing others in projects directed at new political cultures and democratic practices. This will help the participants to become active political actors: they will feel empowered to act in a challenging political context. This exercise will liberate them from the emotional burden and politically paralyzing feeling of having to “invent the wheel”. Every political culture has traditions of democratic practices in its past. The crucial task is to bring them to the surface and to turn them into a source of inspiration again. Informal, personal and unofficial histories are crucial here – this has often been the only form in which democracy has been remembered in undemocratic regimes.

The exercise broadens the conception of democracy through opening up space for comparing political, social and cultural experiences of exclusion and inclusion. By telling, writing and publishing these stories the participants reach out to others. As such this is a tool for community building and strengthening potential for democratic change.

Workshop leaders bring to the exercise their own experiences and they introduce knowledge about other processes of democratic transition. They refer to publications from the exercise as it has been tried out in different countries in Central Asia, in South Africa, in former Yugoslavia and in Spain when it was struggling with its democratic transition. This expansion will help the participant to develop new and empowering views on their position and possibilities.

Women activists in democratic transition struggle with double construction of powerlessness. They contribute to democratic change in a national context that has to re-invent democratic practices – they share with male activists a sense of being pioneers. Because of their gender, women cannot simply identify with male heroes in official stories of liberation and political struggles in the past of their country. The exercise helps them to question hierarchies that dominate traditional views of political struggles.

The “foremother exercise” contributes to democratic change with empowering women activists and it broadens and deepens the concept of democracy. Reflection about lives of individual foremothers, who may be biologically or metaphorically re-

Организаторы семинара добавили свой вклад в упражнение в форме собственного опыта и знания о процессах демократического перехода в других странах. Они сравнивают публикацию упражнения к процессам, прошедшим в различных странах в Центральной Азии, в Южной Африке, в прежней Югославии и в Испании, когда здесь боролись с демократическим переходом. Этот расширенный кругозор поможет участникам находить новые и мотивирующие взгляды на их позицию и возможности.

Женщины-активисты сталкиваются с двойной конструкцией отстраненности от власти во время демократического перехода. Они содействуют демократическому изменению в национальном контексте, в котором приходится повторно изобретать демократические методы, – они разделяют с мужскими активистами чувство быть новаторами. Из-за их пола, женщины не могут просто идентифицироваться с героями-мужчинами из официальной истории освобождений и политической борьбы в прошлом их страны. Упражнение поможет им поставить под вопрос иерархию, доминирующую традиционный взгляд на политическую борьбу.

«Упражнение-прародительница» способствует демократическим переменам предоставляя новые средства женщинам-активистам; это расширяет и углубляет понятие демократии. Размышление о жизни отдельных прародительниц, которые имели биологическое или метафорическое отношение к студентам, предлагает превосходный инструмент превращения неофициального личного знания во вдохновение для общественной политической активности. Мы уверены, что взгляд на истории прародительниц – хороший исходный пункт для обсуждения отличий среди женщин; очевидно, что некоторые из этих отличий могут оказаться благотворными и вдохновляющими, в то время как другие касаются самых чувствительных эпизодов европейского прошлого: мы должны обсуждать судебные преследования, расизм и насилие, не забывая о солидарности, любви и дружбе. «Упражнение-прародительница» применимо в различных контекстах и объединяет активистов через все эти контексты. Так как участниками проекта были и академики, и активисты, это упражнение усиливает связи между ученым миром и гражданским обществом, и является соединяющим мостом, ведущим над иногда искусственным отрывом академии от активизма. Поэтому это упражнение – исходный пункт для межнациональных дискуссий о демократии, как это подтверждают истории и фотографии этого семинара.

lated to the students, provides an excellent tool to turn unofficial personal knowledge into inspiration for public political activism. We claim that thinking about the histories of foremothers is a good starting point for discussing differences among women, it is clear that some of these differences may be benign and inspiring, while others touch the most painful parts of European past: how should one address prosecution, racism and violence while not forgetting about solidarity, love and friendship? The foremother exercise is applicable in different contexts and connects activists across those contexts. While the participants were academics and activists alike this exercise strengthens ties between scholarship and civil society, over-bridging the sometimes artificial gap between academia and activism. Therefore it is a starting point for transnational exchanges about democracy as the stories and the photos of this workshop prove.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Воспоминания, истории и нарративы – Обучение с помощью воспоминаний в Европе¹

Бертеке Ваалдайк и Андреа Петё

У задания написать о прародительнице длинная история создания и признания знания о женщинах в женских движениях и различных формах феминизма. Идея, что женщины имеют генеалогию, которая отличается от мужских, имеет длинную традицию в феминизме, и преобладала над сферой женской истории в разных фазах развития, как академическая специализация. Жалоба Джейн Остин, выраженная одним из женских персонажей в *Нортенгерском Аббатстве*, что история удручающая и скучная, потому что везде «(с)поры королей и пап, с войнами или чумой на каждой странице! Мужчины – ничтожества, о женщинах вообще почти не говорится,»² – только вступление к двум столетиям авторов, которые аргументировали, что история, так как ее написали мужчины, неполная.

Работы первых историков-женщин в начале девятнадцатого столетия (американский историк Мэри Бирд и голландский историк Йоханна Набер – это только два имени из многих), описывают истории женщин, которых историки-мужчины оставили без внимания, и адресует темы, которые не попали в академическую историю, написанную мужчинами.³ Попытки увековечить женскую историю, тем не менее, не были ограничены академическим жанром. Женщины использовали большое разнообразие жанров, чтобы сохранить воспоминания

1 Эта статья содержит фрагменты из наших ранних работ: Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк: «Истории женских жизней – Прародительницы, история и будущее феминистического метода обучения», в Розы Брайдотти, Янни Ниберт и Санне Хирст (ред.); Создание Европейского Женского Движения, 4.г., (АФИНА, Тематическая Сеть Европейских Женских Исследований, Утрехтский Университет, 2002.), 149-162; Андреа Петё и Бертеке Ваалдайк: «Воспоминания, истории и нарративы», в Розы Брайдотти, Эдита Юст и Марлисе Менсинк (ред.), Создание Европейского Женского Движения, 5.г., (Утрехтский Университет, 2004.), 173-176; Бертеке Ваалдайк и Андреа Петё: «Истории женских жизней – Прародительницы, история и будущее феминистического метода обучения», Новый Педагогический Обзор (2005, 2.), 3-16. <http://www.oki.hu/cikk.php?kod=2005-02-ta-TobbeK-Noi.html>

2 Джейн Остин: *Нортенгерское Аббатство* (Хэммондсворс, Пэнгвин Букс, 1985, первое издано: 1815), 123.

3 О Мэри Бирд: Бонни Смит, «Встреча с Мэри Бирд», в Феминистских Исследованиях 10.3 (1984, осень), 399-416; о Йоханне Набер: Мария Гревер, «Борьба против молчания. Йоханна Набер (1859-1941) и женский голос в истории» (Хилверсум, 1994); Мария Гревер, «Феминистский пантеон культуры: Женские движения и организация памяти», Гендер и История, 9. Номер 2, 364-374.

THEORETHICAL INTRODUCTION

*Memories, Histories and Narratives – Teaching With Memories in Europe*¹

Berteke Waaldijk and Andrea Pető

The assignment to write about a foremother has a long history of producing and recognizing knowledge about women in women's movements and different forms of feminism. The idea that women have a genealogy that differs from that of men, has a long tradition in feminism, and has dominated the field of women's history in its developing phases as an academic specialism. Jane Austen's complaint, voiced by one of the female characters in *Northanger Abbey*, that history was boring and uninspiring because it was all about "(t)he quarrels of popes and kings, with wars and pestilences, in every page; the men all so good for nothing, and hardly any woman at all," is only a prelude to two centuries of writers who argued that history, as it had been written by men, was incomplete.

The work of women's historians' *avant-la-lettre* at the turn of the nineteenth century (the American historian Mary Beard and the Dutch historian Johanna Naber, to mention just two names from a large group), describes histories of women who had been neglected by male historians, and addresses topics that did not make it into academic history written by men.² The attempts to remember her-stories, however, were not limited to the genre of academic writing. Women have used a great variety of genres to keep alive memories of a female past: from telling and re-telling stories, singing songs, and making quilts, to writing novels, family memoirs and academic dissertations.³ With the resurgence of the women's movement in the last quarter

1 This article contains excerpts from our previous publications: Andrea Pető and Berteke Waaldijk, 'Writing Women's Lives of Foremothers, The History and Future of a Feminist Teaching Tool', in Rosi Braidotti, Janny Niebert and Sanne Hirs (eds.), *The Making of the European Women's Studies*, Vol. 4. (ATHENA, Advanced Thematic Network in Activities in Women's Studies in Europe, Utrecht University, 2002), 149-162; Andrea Pető and Berteke Waaldijk, 'Memories, Histories and Narratives', in Rosi Braidotti, Edyta Just and Marlise Mensink (eds.), *The Making of European Women's Studies*, Vol. 5., (U of Utrecht, 2004), 173-176; Berteke Waaldijk and Andrea Pető, '1A nő példaképek élettörténetének írása. A feminista pedagógiai eszköz története, gyakorlata és jövője', ('Writing Stories of Foremothers. History, Practice and Future of a Feminist Pedagogical Tool') in *Új Pedagógiai Szemle* (2005, 2.), 3-16. <http://www.oki.hu/cikk.php?kod=2005-02-ta-Tobbek-Noi.html>

2 Jane Austen *Northanger Abbey*, (Hammondsworth, Penguin Books, 1985), (first published in 1815), 123.

3 On Mary Beard: Bonnie Smith, 'Seeing Mary Beard', in *Feminist Studies* 10.3, (Fall 1984), 399-416; on Johanna Naber: Maria Grever, *Strijd tegen de Stilte. Johanna Naber (1859-1941) en de vrouwenstem in de geschiedenis*, ('Struggle Against the Silence. Johanna Naber (1859-1941) and the Women's Voice in History'), (Verloren: Hilversum, 1994);

женского прошлого: от рассказа и перерассказа историй, пения песен и шития стеганых одеял, до писания романов, семейных мемуаров и академических диссертаций.⁴ С возрождением женского движения в последней четверти двадцатого столетия, эти традиции возобновились и сопутствовали рождению новой академической сферы женских исследований. Вспоминание и перерассказ истории своей матери или бабушки был одним из элементов привлечения внимания к феминистским группам, которые были популярны в США и Западной Европе⁵; а концепция возможности рассказа и документации женской истории путем личных воспоминаний и историй способствовала переоценению разграничения и иерархии между личным и общественным.

В бывшем советском блоке, при коммунизме прошлое было искажено для легитимизации коммунистической власти, и история была сведена к принужденному забвению. Поэтому женщины, помня свои жизни, следовали канонизированной версии партийной истории, служащей интересам партии.⁶ В последние двенадцать лет в Восточной Европе мы были свидетелями резкого повышения количества публикаций воспоминаний в книгах и журналах, но очень мало из них написаны женщинами.⁷ После падения коммунизма в Восточной Европе «личное» знание и «личные» истории были призваны поставить под вопрос официальные версии и вернуть общество к «реальной истории» без искажения, организованного государством и/или партиями. В восточно-европейских странах собрали различные коллекции устных историй, используя «частные» источники, противопоставленные «общественным»/официальным источникам, предполагая, что «общественные» источники были всегда «неправы». Понять «метафорические карты» этих личных воспоминаний является решающим в том, чтобы оставить позади доминирующие сегодня в процессе воспоминания ограничения по схеме «правда/неправда». Также ожидалось, что период после 1989г. переопределит гендерные отношения в процессе демократического пе-

4 Хэйзел Карби, «Восстанавливая женственность», (Нью-Йорк: Оксфорд, 1987); Лоренс Левин, «Черная культура и черное сознание» (1977); Джианна Помата, «История, специфическая и универсальная: Несколько заметок о некоторых учебниках женской истории», в Л'Омм, 3.Ф.Г. 2 (1990), 5-44. [также опубликовано, как: Джианна Помата, «История, специфическая и универсальная: Несколько заметок о некоторых учебниках женской истории», Женские Истории 19. 1 (1993, весна), 7-50.]; Натали Земон Дэвис, «Гендер и жанр: Женщины, как исторические авторы, 1400-1820», в П.Х. Лабалм (ред.), Несмотря на пол. Ученые женщины европейского прошлого (Нью-Йорк, 1980), 153-182.

5 Робин Морган, «Сестринство мозуче: Антология работ о женском освободительном движении» (Нью-Йорк, Рэндом Хаус, 1973)

6 Андреа Петё, «Истории жизни женщин. Феминистские генеалогии в Венгрии», в Слободан Наумович и Мирослав Йованович (ред.), Гендерные отношения в Юго-Восточной Европе. Женская и мужская жизнь в исторической перспективе в 19-м и 20-м веках, (Цур Кунде Сюдестеупас – том II/33: Белград-Грац, 2002), 211-219.

7 Андреа Петё, «Женская история в Восточной Европе. В сторону познанный?», Журнал Женской Истории, 16 (4) 2004, 173-183.

of the twentieth century, these traditions re-surfaced and helped the beginning of Women's Studies as an academic field. Remembering and re-telling the history of one's mother and grandmother was one of the elements in the feminist consciousness-raising groups that flowered in the US and Western Europe,⁴ and the idea that the history of women could be told and documented through private memories and stories contributed to a re-thinking of the distinction and the hierarchy between private and public.

In the former Soviet Block during the period of communism, the past was distorted to legitimize communist rule, and history was narrowed down to an enforced forgetting. Women, therefore, remembering their lives in print, followed the canonized hagiographic version of Party history.⁵ In the past twelve years in Eastern Europe, we have witnessed a boom in the publishing of memories in books and journals, but very few of them are written by women.⁶ After the fall of communism in Eastern Europe, 'private' knowledge and 'private' histories were used to challenge official representations and to recover 'the real history' without the State/Party-orchestrated distortion. In Eastern European countries, different oral history collections were set up, collecting 'private' sources opposing the 'public'/official sources, assuming that 'public' sources were all 'wrong.' It is crucial to understand the 'metaphoric mapping' of these private memories in order to break out from the 'true/false' framework of remembering, which prevails today. The post-1989 period was also expected to re-define gender relations in the democratization process. During communism, the stereotypical women's characteristics were intimacy, sensitivity, and family-centeredness, perceived as resistance to 'statist feminism'.⁷ The private resistance to communism rested on the restoration of the so-called 'female virtues' in families, based on the three expected roles of women as daughters, wives and mothers. This attempt, which had religious ideological support, aimed to preserve

4 Hazel Carby, *'Reconstructing Womanhood'*, (New York: Oxford UP, 1987); Lawrence Levine, *'Black Culture and Black Consciousness'*, (1977); Gianna Pomata, *'Partikulargeschichte und Universalgeschichte – Bemerkungen zu einigen Handbüchern der Frauengeschichte'*, in *L'homme Z.F.G.* 2, (1990), 5-44. [also published as: Gianna Pomata, *'History, Particular and Universal: Some Recent Women's History Textbooks'*, *Feminist Studies* 19. 1, (Spring 1993), 7-50].; Natalie Zemon Davis, *'Gender and Genre: Women as Historical Writers, 1400-1820'*, in P.H. Labalme (ed.), *'Beyond Their Sex. Learned Women of the European Past'*, (New York UP, 1980), 153-182.

5 Robin Morgan, *'Sisterhood is Powerful: An Anthology of Writings from the Women's Liberation Movement'*, (New York: Random House, 1973).

6 Andrea Pető, *'Women's Life Stories. Feminist Genealogies in Hungary'*, in Slobodan Naumovic and Miroslav Jovanovic, (eds.), *'Gender Relations in South Eastern Europe. Historical Perspectives on Womanhood and Manhood in 19th and 20th Century'*, (Zur Kunde Südosteuropas-Band II/33: Belgrad-Graz, 2002), 211-219.

7 Andrea Pető, *'Writing Women's History in Eastern Europe. Toward a 'Terra Cognita'?'*, *Journal of Women's History* 16 (4), 2004, 173-183.

рехода. При коммунизме, стереотипичные женские черты были интимность, чувствительность и семейная ориентация, представляя их, как сопротивление «государственному феминизму».⁸ Частное сопротивление коммунизму покоилось на возвращении к так называемым «женским добродетелям» в семьях, основанных на трех ожидаемых социумом ролях женщин: дочери, жены и матери. Эта попытка, которая также имела религиозную идеологическую поддержку, поставила целью сохранить семейные ценности в частной жизни, противопоставив их псевдо-равенству государственного социализма.⁹ После 1989г., реставрация «женских добродетелей» не привела ни к каким изменениям ни касаясь институционализации и проявления гендерной иерархии, ни в доступе – или скорее отстраненности – женщин к национальной нарративе.

Ранние женские историки аргументировали, что история женщин невидима¹⁰, потому что официальная история описывает только общественную сферу, в то время как женская история происходила в частной сфере, куда женщин делегировали. Женские истории были невидимы, женские истории не рассказывали, – таковыми являются грустные наблюдения тех историков, которые решили вернуть женский политический активизм в историю. Много книг о восточно-европейской истории после 1989г., написанные мужчинами, не включают те темы, которые важны для национальной истории, как например отношения матерей и дочерей, женские дружбы, женщины, работающие вместе, женщины, влюбленные в других женщин.¹¹ Истории феминисток о воспитании детей, сексуальности, хозяйственных технологиях и культе семейной жизни документировали историю, которая для некоторых являлась сутью жизни их матерей и бабушек. Задание для студентов изучить историю их матерей, бабушек, (пра) тетюшек в различных формах было составной частью ранних курсов женских исследований и женской истории.

Мы одновременно чувствуем себя в долгу и вдохновленными этой традицией, и сами уже работали с этим форматом в различных контекстах. В 1987г. Бертеке Ваалдаик объединила задание написать о жизни прародительницы с

8 Андреа Петё, *«Как он видел ее: Гендерная политика в секретных партийных докладах в Венгрии в 1950-х»*, Рабочее Издание Отдела Истории ЦЕУ, серия №1, (1994), 107-121.

9 Подробнее в Андреа Петё, *«Женщины-консерваторы и ультра правые женщины в современной Венгрии. Меняющаяся идеология»*, в Кнезевич, Дурдя, Коралика Дилич (ред.), *Женщины и политика. Женщины в истории/История без женщин*, (Загреб: Женска Инфотека, 2001), 265-277.

10 Ренате Бридентал, Клаудиа Коонц, Сьюзен Стюард (ред.), *Становясь видимыми: Женщины в европейской истории*, (Бостон: Хьютон Миффлин, 1977 и 1987).

11 Как исключение: Кристина Попова, Петар Воденичаров, Снежана Димитрова (ред.), *«Женщины и мужчины в прошлом. 19-е и 20-е столетия. Дополнительный преподавательный материал для гимназий»*, Международный Семинар Балканских Исследований и Специализации, (Благоевград: Юго-Западный Университет, 2002), переведено на 9 восточно-европейских языков и применяется в школьном обучении.

the family values in private life against the pseudo-gender equality of state socialism.⁸ After 1989, a restoration of 'female virtues' could be observed, which neither modified institutions in the ways gender hierarchies are performed and institutionalized, nor in the ways in which women are placed or, rather, misplaced from national narratives. The argument of early women's historians was that the history of women was invisible⁹ because official history only described the public sphere while women's history took place in the private sphere, where women had been delegated. Women's stories were not visible, women's stories were not told, such were the sad observations of those historians who aimed to recover women's political agency in history. Many post-1989 history books about Eastern European history, and written by men, do not include those topics that are important for national history writing, such as mother/daughter relationships, women's friendships, women working together, women in love with women.¹⁰ Feminist histories of child-care, sexuality, household technologies, and the cult of domesticity, documented a history that, for some, had been the core of the lives of their mothers and grandmothers. Different forms of an assignment that asked students to look into the history of their mothers, grandmothers and (grand-)aunts were integrated in early courses of Women's Studies and women's history.

We feel ourselves indebted to and inspired by this tradition and have worked with the format in different contexts ourselves. In 1987, Berteke Waaldijk integrated the assignment to write a paper about the life of a female ancestor in a course called 'Between Margin and Centre, Women and Cultural Traditions.' Andrea Pető taught a version of the assignment at the Department of Gender Studies at Central European University, Budapest in the Winter Term of 2004, and in several seminars with the explicit aim of introducing students to the methodology of oral history.¹¹ The foremother stories used in these classes and seminars represent an emotional opportunity to tell a story that might help the participants to think about themselves in different historical terms, and also help them to understand how the national, canonized history taught in the history textbooks is connected to personal

8 Andrea Pető, 'As He Saw Her: Gender Politics in Secret Party Reports in Hungary During 1950s', in CEU History Department Working Paper Series No.1., (1994), 107-121.

9 See Andrea Pető, 'Conservative and Extreme Right Wing Women in Contemporary Hungary. An Ideology in Transition', in Knezevic, Durdja, Koraljka Dilic (eds.), *Women and Politics. Women in History/History Without Women*, (Zagreb: Zenska Infoteka, 2001), 265-277.

10 Renate Bridenthal, Claudia Koonz, Susan Stuard, (eds.), *'Becoming Visible: Women in European History'*, (Boston: Houghton Mifflin, 1977 and 1987).

11 For an exception, see: Kristina Popova, Petar Vodenicharov, Snezhana Dimitrova, (eds.), *'Women and Men in the Past. 19th and 20th Century. Additional Teaching Material for Secondary Schools'*, International Seminar for Balkan Studies and Specialisation, (Blagoevgrad: South Western University, 2002) translated into the 9 languages of South Eastern Europe and used in secondary level of teaching history.

курсом «Между периферией и центром, женщины и культурные традиции». Андреа Петё преподавала версию задания в Отделе Гендерных Исследований в Центральном Европейском Университете, в Будапеште, в зимнем полугодии 2004г. и еще на нескольких семинарах с выраженной целью познакомить студентов с методологией устной истории.¹² Истории прародительниц, используемые в этих классах и семинарах, представляют эмоциональную возможность рассказать историю, которая, возможно, поможет участникам думать о себе с помощью различных исторических терминов, а также помогают им понять, как национальная, канонизированная история, преподаваемая в учебниках историй, соединяется с личными историями. Эссе, написанные участниками, помогли им восстановить интеллектуальную и эмоциональную «женскую линию», и воссоздать прерванные феминистические генеалогии.

Здесь мы хотим объяснить, чему в общем студенты и педагоги могут научиться в течение обучения с воспоминаниями. Мы основали это размышление о возможностях задания о прародительнице на обсуждениях с коллегами, со студентами, и на курсах, где мы сами преподавали. Мы покажем различия на фоне аспектов истории гендера, аспектов феминистической теории, и аспектов более педагогической – некоторые сказали бы политической – природой поощрения студентов.

Женская история

Обсуждение жизни индивидуальных прародительниц (имеющие биологические или другое отношение к студентам) обеспечивает превосходную возможность обсуждения двух основных проблем женской истории: различие между общественной и частной жизнью, и историография. Давайте начнем с различия между общественным и частным. Как одно из самых старых понятий, используемых в женской истории, мы полагаем, что академик-феминист должен быть осведомлен о преимуществах и пределах использования этой противо-

12 В сентябре 1998г. состоялась конференция на торжественном открытии Ассоциации Обучения Гендерных Исследований в Восточной Европе, организованная Программой Женской Сети Института Открытого Общества в Белграде, которая была продолжена конференцией «Женская история и история гендера в странах перехода» в Минске. Материалы конференции были изданы в Елена Гапова, Альмира Усманова, Андреа Петё (ред.), «Гендерные истории Восточной Европы», (Европейский Минск: Университет Гуманитарных Наук, 2002). Эти две конференции составили представление о настоящем феминистских наук в истории в Восточной Европе, а также выявило возможные направления и цели для будущего, так что Программа Женской Сети Института Открытого Общества запустила серии семинаров феминистской устной истории: в Будапеште (2000), в Азербайджане, Молдове и Киргизии (2001), в Армении и в летней школе в Киргизии (2002). В течение этих семинаров Андреа Петё преподавала упражнение «Прародительница». Андреа Петё, «Смотреть на жизнь глазами женщины: Женская устная история из бывшего Советского Союза». (Нью Йорк: Программа Женской Сети Института Открытого Общества, 2002), 33.

histories. The essays the participants wrote helped them to recover the intellectual and emotional 'matrilineage' and to reconstruct broken feminist genealogies.

Here, we want to elaborate, in general, what students and educators can learn from teaching with memories. We have based this reflection on the possibilities of the foremother assignment on discussions with colleagues, with students, and on courses that we have taught ourselves. We will distinguish between aspects of gender history, aspects of feminist theory, and aspects of the more pedagogical – some would say political – nature of empowering students.

Women's History

Reflection about the lives of individual foremothers (whether they are biologically or otherwise related to the students) provides an excellent opportunity to discuss two core issues of writing women's history: the distinction between public and private lives, and historiography. Let us begin with the distinction between public and private. As one of the oldest concepts used in women's history, we believe feminist scholars should be aware of the advantages and limits of using this opposition. The advantages are well known: facts of women's lives that have received no public recognition were assigned to the personal sphere, which, in itself, was supposed to have no history. Students recognize this clearly when they are asked to think about what elements of the foremother's lives could be found in official history books since, mostly, these hardly exist.

However, women's historians have formulated important critiques of the value of the gender distinction between the male public and the female public sphere. As it was pointed out, 'liberating women from the domestic sphere' was a political and historiographic ideal that was mainly directed at middle class women in Western Europe and the US.¹² For many women, the 'cult of domesticity' was not the issue. African-American women who lived in slavery struggled together with African-American men for the right to have a private sphere and a family life. Women in communist societies did not experience the private sphere as the site of their

12 In September 1998 the inaugurating conference of the Association of Teaching Gender Studies in Eastern Europe was organized by the Open Society Institute Women's Network Program in Belgrade, which was followed by the conference 'Women's History and History of Gender in Countries in Transition' in Minsk. The conference papers were published in Elena Gapova, Al'mira Usmanova, Andrea Pető (eds.), *Gendernye istorii Vostochnoy Evropy* ('Gendered Histories from Eastern Europe'), (European Minsk: Humanities University, 2002). These two conferences gave a picture of the present state of feminist scholarship in history in Eastern Europe, and it also signaled possible directions and policies for the future, so the Open Society Institute Network Women Program started a series of feminist oral history training workshops: in Budapest (2000), in Azerbaijan, Moldova and Kirgiztan (2001), in Armenia and in a summer school in Kirgiztan (2002). During these workshops, Andrea Pető used the foremother assignment. Andrea Pető (ed.), *To Look at Life through Women's Eyes: Women's Oral Histories from the Former Soviet Union*, (New York: Network Women's Program, Open Society Institute, 2002), 33.

положности. Преимущества хорошо известны: факты женских жизней, которые не получили никакого общественного признания, были предназначены для личной сферы, которая, как предполагалось, не имеет никакой истории. Когда студентов просят подумать, о каких эпизодах жизни прародительниц можно прочесть в официальных книгах историй, они ясно понимают, что таковых едва найти.

Тем не менее, женские историки сформулировали важную критику ценности гендерных различий между мужской и женской общественной сферой. Подчеркивалось, что «освобождение женщин от хозяйственной сферы» являлось политическим и историографическим идеалом, который был большей частью направлен на женщин средних классов в Западной Европе и США.¹³ Для многих женщин «культ семейной жизни» не был проблемой. Афро-американские женщины, которые жили в рабстве, боролись вместе с афро-американскими мужчинами за право иметь частную сферу и семейную жизнь. Женщины в коммунистических обществах не переживали частную сферу, как место притеснения. Женщины рабочих классов часто объединяли заработок с уходом за семейством. Задание изучить жизнь прародительницы позволяет студентам понять различие между общественным и частным, также как и рассмотреть преимущества и недостатки дефиниций.

Вторая важная проблема, на которую обращает внимание задание о прародительнице – это история феминизма, женских движений и борьбы за эмансипацию. Даже если вопросы о феминизме явно не входят в задание, сразу видно, что почти на каждом обсуждении на семинарах об истории женщин, история женской эмансипации естественно возникает. Студенты приводят примеры на отличия в социальных, гражданских и политических правах женщин, и интересуются, откуда берутся изменения в этой сфере.

В третьих, задание о прародительнице предоставляет возможность критического взгляда на то, как пишется история. Этот историографический подход, всегда сильный в сфере женской истории, и подход, который комбинирует эмпирическое исследование с феминистской теорией – часто трудная тема для преподавания, особенно студентам без исторического образования. Слишком легко показать упрощенную противоположность между слабыми книгами историй, которые совсем не обращают внимание на женщин в истории, и феминистскими альтернативами. Тем не менее, одно кажется очевидным: студенты узнают гораздо больше об этой проблеме, когда приходится думать о различии

13 Бертеке Ваалдайк, «Про истории и источники: Феминистская история», в Розмари Буикема и Аннеке Смельик (ред.), Женские исследования и культура, (Лондон: Зед Букс, 1994), 14-25.

oppression. Working class women often combined wage-earning with the care of a family. The assignment to study the life of a foremother allows students to think about the distinction between public and private, as well as consider the advantages and drawbacks of the concept.

The second important issue that assignments about foremothers allow is the history of feminism, women's movements and other struggles for emancipation. Whether or not questions about feminism are explicitly included in the assignment, one can see that in almost every classroom discussion about the history of women, the history of women's emancipation naturally arises. Students reflect on differences in the social, civil and political rights of women, and they ask where changes in this field come from.

In the third place, the assignment to study the life story of a foremother enables critical reflection about the way history is being written. This historiographical focus, always strong in the field of women's history, and one that combines empirical research with feminist theory, is often a difficult topic to teach, especially to students who have not been trained as historians. It is too easy to present a simplified opposition between bad history books, in general, that do not pay attention to women in history, and the feminist alternatives. However, it seems clear that students will learn much more about this problem when they are invited to think about the distinction between national historiography and their own specific interest in an individual woman.

Questions aimed at reflecting upon the ways in which the foremothers were integrated or excluded from national histories are, therefore, crucial in teaching with memories, as are the questions about the resources available for more knowledge about a foremother's life. The reinvention of the wheel should not be the aim of any assignment. These questions allow teachers to make use of work done by women's historians. These questions make students aware of the various roles in which women can be integrated in general histories: as victims, as heroes, as survivors, as marginalized outsiders, or as metaphors of national identities. The work of Gianna Pomata on particular and general history has been very useful in this context, as it helps to make students aware of the different perspectives that structure the way they write about women.¹³

No teaching of women's history can do without making the students acquainted with the sources and resources that are available. While trained historians can envisage the limits and possibilities of the source material that they have been trained to use, starters in the field will have very little knowledge. By asking students, from

13 Berteke Waaldijk, 'Of Stories and Sources: Feminist History', in Rosemarie Buikema and Anneke Smelik (eds.), *Women's Studies and Culture*, (London: Zed Books, 1994), 14-25.

между национальной историографией и их собственным, особым интересом к индивидуальной женщине.

Из-за этого, в обучении с воспоминаниями вопросы, нацеленные на понимание процессов, в которых прародительницы были включены или исключены из национальных историй, также, как и вопросы о доступных ресурсах для изучения жизни прародительниц, являются такими ключевыми. Повторное изобретение колеса не должно быть целью никакого задания. Эти вопросы позволяют преподавателям использовать работу, сделанную женскими историками. Эти вопросы осведомляют студентов о различных ролях, в каких женщины могут быть включены во всеобщую историю: как жертвы, как героини, как оставшиеся в живых, как аутсайдеры-маргиналы, или как метафоры национальной идентичности. Работа Джанни Поматы о частной и всеобщей истории была очень полезна в этом контексте, так как она помогает студентам узнать о различных перспективах, которые структурируют то, как они пишут о женщинах.¹⁴

Ни один урок о женской истории не может обходиться без ознакомления студентов с доступными источниками и ресурсами. В то время как опытные историки могут предвидеть пределы и возможности исходного материала, использованию которого они были обучены, начинающие в этой сфере располагают очень маленькими знаниями. Задавая доклады с самого начала о различных источниках, которые студенты использовали, чтобы написать историю о прародительнице, вопрос о пригодности источников становится срочным. Студенты приобретут опыт, как писать о событиях, которые не попали в книги историй; они, возможно, почувствуют гордость раскапывая материал, который никто не использовал до этого (разговор с родственниками, просмотр картин), и они начнут испытывать огромную потребность в работе с первоисточниками, в сборе материала для нерассказанных историй о женщинах в прошлом. Визит в женский архив или в центр женской информации поэтому является критическим элементом в задании.¹⁵ Это столкнет студентов с политикой запоминания, сохранения, и как материалы открываются для исторического исследования. При чтении об обучении с воспоминаниями одним из самых поразительных моментов является богатство различных предметов, которые появляются в классной комнате: историческое исследование больше не означает только книги и архивы, но и платья, фотографии, мебель, драгоценности, продовольствие и рецепты.

¹⁴ Помата, там же.

¹⁵ Бертеке Ваалдайк, «*Про истории и источники: Феминистская история*», в Розмари Буикема и Аннеке Смелик (ред.), Женские исследования и культура, (Лондон: Зед Букс, 1994), 14-25.

the very beginning, to report about the different sources they have used to write the story about their foremother, the issue of availability of sources is made urgent. Students will experience what it means to write about events that have not made it into history books; they may feel proud about unearthing material that nobody has used before (talking to relatives, looking at pictures), and they will begin to experience the enormous need for work in the field, of collecting material for the untold histories about women in the past. A visit to a women's archive, or a women's information centre is, therefore, a crucial element in the assignment.¹⁴ It will confront the students with the politics of remembering, conservation, and the way material objects are opened up for historical research. One of the most striking elements when reading about teaching with memories is the wealth of different objects that enter the classroom: historical research is no longer only about books and archives, but also about dresses, photographs, furniture, jewelry, food and recipes.

Finally, students who have to write and present the life story of a foremother will become aware of the responsibility that everyone who writes history has: the power to include and to exclude. Students, in a class where all students carry out the assignment, have to discuss, present and compare the histories of women with the stories about women in other countries, in other classes, and of other ethnicities. The fact that histories are written from different perspectives is very tangible. Students are, thus, invited, if not forced, to reflect on the way their story affects others.

Feminist Theory and Interdisciplinarity

Teaching with memories is not limited to teaching classes in women's history. It is also a useful tool for explaining elements in feminist theory. The problematization of 'experience' is especially crucial when a group of Women's Studies students with different national and academic background work together. For beginners in the field of women's history, it is sometimes tempting to expect that women's experiences have been basically the same in different eras and in different locations. The critical work done by Women's Studies specialists who addressed not only discrimination and subjection on the basis of sex, but investigated the ways in which race, class and sexuality have interacted with gender, has made abundantly clear that there is no such thing as 'the woman's experience'. Several authors have made the theoretical elaboration of this point. We mention here the article 'Experience' by Joan Scott, who criticizes the way 'experience' has been seen as the indubitable fundament of emancipation movements. She shows why feminism should move away from this absolute belief in an independent subject

¹⁴ Pomata, *ibid.*

Наконец, студенты, которым придется написать и представить жизненную историю прародительницы, столкнутся с ответственностью каждого, кто пишет историю: с властью включать и исключать. В классе, где все студенты осуществляют это задание, студентам придется обсудить, представить и сравнить истории женщин с историями о женщинах из других стран, из других классов и других этничностей. Факт, что истории пишутся из различных перспектив, становится ощутимым. В этом случае студенты могут – даже вынуждены – задуматься о том, как их рассказ действует на других.

Феминистская теория и междисциплинарность

Обучение с воспоминаниями не ограничивается преподавательскими классами о женской истории. Это также полезный инструмент для объяснения элементов феминистической теории. Проблематизация «опыта» особенно важна, когда группа студентов из области женских исследований, работает вместе со студентами других наций и с разной академической подготовкой. Для начинающих в сфере женской истории иногда соблазнительно предполагать, что опыт женщины был в основном таким же в различных эрах и в различных местах. Критическая работа специалистов женских исследований, которая адресовала не только к дискриминацию и зависимость на основании пола, но и рассмотрела, как раса, класс и сексуальность относились к гендеру, пришла к выводу, что однородного «женского опыта» не существует. Несколько авторов теоретически разработали этот пункт. Мы упоминаем здесь статью «Опыт» Джоан Скотт, кто критикует мнение, что «опыт» это несомненный фундамент эмансипационных движений. Она показывает, почему феминизм должен отделиться от этой абсолютной веры в независимого индивида, находящегося под влиянием опыта, и предлагает перспективу, где больше внимания обращено на то, как некоторые события превращаются в «опыт», в то время как другие остаются нерассказанными. Для студентов женских исследований этот урок ценен тем, что показывает ответственность конструирования истории.¹⁶ К другим теоретическим проблемам можно обратиться через жизненные истории: теории пола и гендера, теоретические работы о теле, о межсекционности, об исполнительности или о субъективности могут быть исследованы этим способом.

Задание изучить и написать жизненные истории прародительниц предлагает хорошую возможность для междисциплинарной кооперации, как чрезвычайной

¹⁶ Помата, там же.

who is influenced by experiences, and argues for a view that pays more attention to the ways in which some events are being turned into 'experiences', while others remain untold. For students in Women's Studies, this lesson is valuable because it allows them to reflect on the responsibility of constructing a story.¹⁵ Other theoretical issues may be addressed via life stories: theories of sex and gender, theoretical work on the body, on intersectionality, on performativity, or on subjectivity can be included.

The assignment to study and write the life stories of foremothers offers good opportunities for interdisciplinary cooperation as a highly important feature of Women's Studies. It allows students who are trained in different disciplines (sociology, cultural or literary studies, history, economics, political sciences, media studies) to use this knowledge in working on the assignment. Because the questions asked about the foremother can and should cover a wide range of facts, students are invited to use the knowledge. This happens most productively when in-class comparisons are being made: students can discuss the differences between industrial and agricultural countries and regions; they evaluate class differences and cultural developments that have not stopped at national borders. In an international class, students can discuss films and novels that have been shared by women in different countries, they can compare the way fashion is an issue between different generations of women and, in doing this, they discover that private lives were deeply embedded in inter- or trans-national structural developments.

Feminist Pedagogies – Empowering the Student-Author

One of the greatest challenges of teaching Women's, Gender or Feminist Studies in an international and multicultural context, is to make the diversity within the classroom productive, instead of an impediment, to teaching. Many international seminars have experienced serious problems of non-cooperation across national, cultural and ethnic lines and have had difficulty in setting up meaningful frames for trans-national comparisons. Education is so thoroughly intertwined with the way students and teachers see the world. Different language-proficiency, differences in expectations about the role of the teacher, or the role of the students in the classroom, can literally destroy learning experiences. Political differences will add tensions and conflicts in the class. In one of the early NOISE-Summer Schools, a session was devoted to introducing national differences through songs and national anthems. Some teachers had expected that women from all European countries would

15 This may be real-life or virtual through one of the electronically available centers. The oral history projects of the OSI NWP are located in the different Women's Studies Centers and documentation centers in Eastern Europe and Central Asia.

особенности женских исследований. Это позволяет студентам разных дисциплин (социология, культурные или литературные исследования, история, экономика, политология, медиа-исследования) применять это знание в работе над заданием. Поскольку вопросы, направленные на прародительницу, могут и должны покрывать широкий ряд фактов, применение этого знания приветствуется. Этот процесс продуктивней всего, когда сравнения делаются внутри группы: студенты могут обсудить отличия между индустриальными и сельскохозяйственным странами и регионами, оценить межклассные отличия и культурные события, которые не остановились у национальных границ. В международном классе студенты могут обсуждать фильмы и романы, которые объединили женщин из различных стран, они могут сравнить моду, как вопрос стоящий между поколениями женщин, и по ходу они могут обнаружить, что их частные жизни глубоко внедрены в меж- или транснациональные структурные процессы.

Феминистическая педагогика – поощрение автора-студента

Один из самых больших вызовов в преподавании женских, гендерных или феминистических исследований в международном и мультикультуральном контексте – сделать разнообразие в пределах классной комнаты производительным, вместо препятствующим к обучению. Много международных семинаров испытали серьезные проблемы некооперации вдоль национальных, культурных и этнических линий, и испытывали трудности в установке подходящих рамок для транснациональных сравнений. Процесс обучения тесно сплетается с тем, как студенты и преподавателями видят мир. Различный уровень владения языком, отличные ожидания по поводу роли преподавателя, или роли студентов на семинаре, может буквально уничтожить приобретение опыта. Политические отличия также добавляют напряженности и конфликтов в класс. На одной из ранних летних семинариях НОЙЗ, сессия была посвящена представлению национальных отличий через песни и государственные гимны. Некоторые преподаватели ожидали, что женщины, приехавшие из всех европейских стран, будут критическими ко всем формам национализма, в том числе и из их собственной страны, но они оказались очень неправы. Действительно, смотря с сегодняшних позиций, было бы иллюзией ожидать, что женщины останутся нетронутыми историями геноцида, дискриминации и зависимости, направленных на их нацию, расу или этническую группу.¹⁷ Вызовом для меж-

17 Это возможно при личном посещении, или виртуальным способом через один из электронно доступных центров. Проекты устных историй ПЖС ИОО размещены в различных Центрах Женских Исследований и документационных центрах в Восточной Европе и Центральной Азии.

be critical towards all forms of nationalism, including that of their own country, but they were proved very wrong. Indeed, as we can see now, it would be an illusion to expect women to be unaffected by histories of genocide, discrimination and subjection, directed at their nation, race or ethnic group.¹⁶ The challenge for international teaching programs in Women's Studies is to create environments where the differences among students and among teachers can be made productive.

The assignment to present the life of foremothers will help educators meet this challenge. Unmediated, students must write about an aspect of their history without having to address their own position. The displacement allows students and teachers to speak about racism and imperialism as crucial issues in European history without being paralyzed by national definitions of guilt. The assignment can also be used in gender sensitivity training in classrooms where serious resistance is expected against anything related to feminism and to women's movements. This resistance, mainly due to the epistemic character of the Cold War (in some Eastern European classrooms) and/or the feeling that liberal capitalism has emancipated Western women (in some Western European classrooms), can be successfully challenged through the introduction of personalized histories connected to women's experiences.¹⁷

Related to this form of empowering students to address the big issues in European and world history, is the form of empowerment for students that results from having them enter the classroom as 'authors'. This assignment addresses students as specialists, since they are the only ones who know about their 'foremother'. This means that students can enter the discussion, not only as learners, but also as 'teachers'. This point is particularly important in bringing together different national traditions of education: while some countries have a tradition of training students not to accept what their teachers tell them, other countries don't. In some countries teachers are trained to see discussions and seminars where students contribute their knowledge and views as the core of the curriculum, in others the lecture format is more central. These differences are related to different styles of authority in different countries. Within feminist pedagogies there exists a strong tradition of the ideal of empowering students.¹⁸ The production of foremother's stories has a spiritual dimension: it is a reconstruction of identity because it helps us to believe that no outside or interiorized approval is needed to please others, and it also purges those stories that are imposed on women by the dominant traditions.

16 Joan Scott, 'Experience', in Joan Scott, Judith Butler (eds.), 'Feminists Theorize the Political', (New York: Routledge, 1992), 22-40. See, also, Denise Riley, 'Am I that Name. Feminism and the Category of "Women in History"', (London: MacMillan, 1988).

17 Rosi Braidotti and Gabriele Griffin (eds.), 'Thinking Differently. A Reader in European Women's Studies', (London: Zed Books, 2002).

18 Andrea Pető, 'Writing Women's History', in Open Society News, (Fall 1994), 10-11.

дународных преподавательских программ в женских исследованиях является создать атмосферу, где отличия среди студентов и среди преподавателей окажутся плодотворными.

Задание представить жизнь прародительницы поможет педагогам соответствовать этому вызову. Студенты должны написать об аспекте их истории непосредственно, без необходимости обращаться к их собственной позиции. Это смещение позволяет студентам и преподавателям говорить о расизме и империализме, как о критических проблемах в Европейской истории, без парализованности национальными определениями вины. Задание может также использоваться в тренировке гендерной чувствительности на семинарах, где серьезное сопротивление ожидается против чего-либо, что имеет отношение к феминизму и к женским движениям. Это сопротивление, происходящее большей частью от эпистемичного понимания холодной войны (на некоторых восточно-европейских семинарах) и/или чувства, что либеральный капитализм эмансипировал западных женщин (на некоторых западно-европейских семинарах), может быть успешно переборено через введение персонифицированных историй, соединенных с женскими опытами.¹⁸

Связано с этой формой поощрения студентов (обращение к большим проблемам европейской и всемирной истории) форма поощрения присутствием на семинаре как «авторы». Это задание обращается к студентам, как к специалистам, так как они являются единственными, кто знает об их прародительницах. Это означает, что студенты могут участвовать в обсуждении, не только как ученики, но и как «преподаватели». Этот пункт особенно важен в объединении различных национальных традиций образования: в то время как в нескольких странах принято обучать студентов не принимать все, что преподаватель скажет, за чистую монету, в других странах традиции другие. В некоторых странах преподаватели организуют обсуждения и семинары, где студенты активно делают вклад своими знаниями и позицией, как ядро учебного плана, в других более централен формат лекции. Эти отличия связаны с различным подходом к авторитету в различных странах. В рамках феминистского обучения существует сильная традиция идеала поощрения студентов.¹⁹ Создание историй прародительниц имеет спиритуальное измерение тоже: это реконструкция идентичности, потому что это помогает нам поверить, что никакая наружное влияние или интериоризированное одобрение не нужно для того, чтобы понра-

18 Андреа Петё, «Писание женской истории», *Новости Открытого Общества*, (1994, осень), 10-11.

19 Джоан Скотт, «Опыт», в Джоан Скотт, Юдит Батлер (ред.), *Феминисты и теоризация политики*, (Нью Йорк: Рутледж, 1992), 22-40; также, Дениз Райли, Это-ли мое имя. «Феминизм и категория «женщины в истории»», (Лондон: Макмиллан, 1988).

By creating open stories, the format of writing the life stories of women can help to construct or repair the missing or distorted continuity between generations of women. When we go by our own experience with international summer schools, where both staff and students come from different educational systems, it is crucial to explicitly address different ways of dealing with authority. If this is not done, patterns may be repeated. Making students into specialists and turning them into student-scholars is a good beginning.

Finally, we think it is important to point out that empowering students in the classroom will also help them to create their own voices vis-à-vis the 'big narratives' of European history. A history that is permeated by so much violence, dictatorship, and exploitation, needs students who feel they can tell other stories and formulate alternatives. They may, thus, contribute to the alternatives of protest and idealism that have also been part of European history. Analyzing women's life stories is an attempt to give a voice to women's stories that cannot be dismissed as false generalization within the 'big narratives'. This methodological approach is more about understanding and opening than about controlling and closure. Changing the narrative framework and the social dimension of remembering gives a new orientation in the world and attracts respect for equality and freedom.

вится другим, и это также очищает те истории, которые навязаны женщинам доминирующими традициями.

Создавая открытые истории, формат написания женских жизненных историй может помочь сконструировать или восстановить отсутствие или искаженную непрерывность между поколениями женщин. Когда мы едем со своим собственным опытом на международные летние школы, где как и преподаватели, так и студенты прибывают из различных образовательных систем, очень важно открыто обратиться к различным способам работы с полномочиями. Если это не сделано, возможно повторение разрушительных структур. Продвижение студентов в специалисты, и превращение их в студентов-академиков – хорошее начало.

Наконец, мы думаем, что важно подчеркнуть, что поощрение студентов в классной комнате также поможет им осознать свой собственный голос, параллельный «большим» нарративам европейской истории. История, в которую проникает столько насилия, диктатуры и эксплуатации, нуждается в студентах, которые чувствуют, что могут рассказать другие истории и сформулировать альтернативы. Так они могут содействовать альтернативам протеста и идеализма, которые также были частью европейской истории. Анализ историй женских жизней – попытка предоставить голос женским историям, которые не могут быть исключены, как ошибочное обобщение в пределах «больших рассказов». Этот методологический подход – больше о понимании и открытии, чем об управлении и прекращении. Замена повествовательной структуры и социального измерения запоминания предоставляет новую ориентацию в мире и призывает к уважению к равенству и свободе.

ЗАДАНИЯ СЕМИНАРА «ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА»

Задание №1 (семинар в Тракай, Литве, 21-24 февраля, 2008г.)

Узнайте как можно больше о жизни одной конкретной женщины, которая выросла или была уже взрослая в 50-х годах. Это может быть как и Ваша родственница, так и кто-то из Ваших друзей, или личность, важная для Вашего региона или страны. В любом случае было бы хорошо, если бы у Вас была какая-то личная привязанность к ней (родственница, друг), или же это была Вашим политическим или интеллектуальным примером для подражания .

Разработайте ее описание на одной странице:

- Начните с имени, места и времени рождения (и смерти)
- Затем опишите ее в соответствии с категориями национальности, общественного класса, этнической принадлежности и религии. Получила-ли она образование и какое?
- Попробуйте описать ее отношение к привязанности к месту: жила-ли она всю жизнь там же? Встречала-ли она людей из других регионов страны, из других стран Европы или частей света? Теряла-ли она кого-то из близких в следствие миграции (своей или ее/его)?
- Опишите ее жизнь в 1953-м году: семейные отношения, работа, сексуальная жизнь, где и как она жила.

Можете использовать самые разные источники информации (мемуары, устные рассказы друзей и родственников, истории), а также более формализованные (книги, учебники, статьи, архивы) и ссылайтесь на них в Вашем описании.

Задание №2 (семинар в Вильнюсе, Литве, 26-29 апреля, 2008г.)

1. Напишите этнографическое описание предмета с ссылками, как будто это экспонат в музее и/или предмет в виртуальном музее.
2. Напишите другу письмо, объясняющее Ваш выбор.
3. Напишите текст о Вашем предмете в форме иллюстрации в учебнике истории для средней школы.

THE FOREMOTHER EXERCISE: TASKS AND ASSIGNMENTS

Assignment 1 – First workshop (Trakai, Lithuania, 21-24 February 2008)

Find out as much as possible about the life of a woman who was alive and more or less grown-up in the 1950s. This may be a relative (grandmother, aunt), a friend or somebody who was a public figure in your country. I advise you to find someone who matters to you personally, this may be either as a political or intellectual inspiration, or as a person you know or are related to. I will refer to this woman as the ‘foremother’ but she should not necessarily be a family-relation. You will have to bring a one-page description of this woman to the first session. That page should be structured as follows:

- Begin by writing down the name, place and date of birth (and death).
- Then try to describe her in terms of nationality, class, ethnicity and religion. Did she receive education? (Use up to a maximum of 100 words.)
- Then try to write something about her experience with locatedness: did she herself live in the same place during her whole life? Did she meet people from other regions of her country, from other parts of Europe, from other parts of the world? Did she lose family or friends through migration? (Use up to 150 words.)
- Finally describe her life in 1953: family-relations, job, sexuality, where and how did she live? (Maximum of 250 words.)

To gather information you may both use informal sources: memories and recollections, stories and anecdotes, conversations with friends and relatives, as well as more formalized sources: history books, archival materials, newspaper clippings. Include references to your information-sources.

Assignment 2 – Second workshop (Vilnius, Lithuania, 26-29 April 2008)

(Maximum 500 words each.)

1. Write an ethnographical note for the object as it was an object in a museum and/or object in a virtual museum with references.
2. Write a letter explaining your choice to a friend.
3. Write a text about your object as an illustration in a history textbook for secondary school.

4. Попробуйте написать эссе о собственнике или об изготовителе предмета в связи с привязанностью к месту: жил/а ли он/а там же в течении всей жизни?
5. Адресуйте вопрос видимости и забывания относительно предмета (факкультативно) – 1 абзац.

Объясните факторы способствующие забыванию предмета, предметов и историй вообще, почему забываются некоторые предметы. Каковы каналы и средства, с помощью которых поддерживается память о событиях, предметах, что делает те или иные предметы запоминающимися? Анализируйте обстоятельства (политические, личные и т. д.) и агентов, связанных с памятью или забыванием предмета.

4. Try to write an essay about the owner, producer of the object, her experience with locatedness: did she herself live in the same place during her whole life?
5. Address the issues of visibility and forgetting in relation to the object (optional).

ЛОЕВА (КРЕЧМАН) ЭСТЕР ЕФИМОВНА
(1912 –)

Сегодня Эстер 96 лет. Я помню её столько, сколько помню саму себя. В детстве я называла её «Бабушка Вера». Мы с мамой часто бывали у неё в доме, и каждый раз я испытывала волнение, потому что не было другого человека, которому бы так внимательно и серьёзно относился к словам маленькой девочки, к моим словам.

Родилась Эстер в 1912 году в городе Винница, на Украине, в бедной еврейской семье. Эстер была старшим ребёнком, где кроме неё было ещё шестеро сыновей. Старшая и единственная дочь – надежда родителей – в 1927 году в пятнадцатилетнем возрасте уехала учиться в Днепропетровский железнодорожный техникум, который окончила с отличием. Там же она встретила своего будущего и единственного мужа – Семёна Лоева. Это была любовь всей её жизни. В 1936 году они поженились и уехали в Хабаровский край, куда был направлен Семён, окончивший военное училище.

Эстер, с её образованием, легко нашла работу на новом месте – стала начальником крупной железнодорожной станции. В 1938 году в молодой семье родился сын Юра. И почти сразу же муж Эстер был призван на Финскую войну. При рождении своего второго ребёнка – дочери Майи, Семён не присутствовал. Он увидел её только однажды, в 1941, когда перед отправкой на фронт уже Второй Мировой войны побывал дома. Никто не знал, что это была его последняя встреча с семьёй – в 1942 Семён погиб в бою под Москвой.

А Эстер на Дальнем востоке формировала и отправляла поезда на фронт...

В 1944, когда пришли известия об освобождении Украины, молодая вдова с двумя маленькими детьми села в последний, сформированный ею же поезд, который вёз её домой – к маме, папе и братьям.

Только приехав в Винницу, Эстер узнала, что осталась совершенно одна. Никому из её большой семьи не удалось выжить. Четверо старших братьев погибли на войне, а родители и два младших брата-подростка были расстреляны в еврейском гетто, по доносу соседки.

После войны Эстер перебралась в Беларусь, где и живёт до сих пор. Замуж больше не выходила, всю жизнь посвятила детям, а затем внукам.

LOEVA (KRECHMAN) ESTER EFIMOVNA
(1912 –)

Today Ester is 96 years old. My memories of her are as old as those of myself. In my childhood I used to call her 'Grand-mother Vera'. I and my mother were frequent visitors at her home, and each time I had a feeling of agitation, because no other person paid so much attention to the words of a child, to my words.

Ester was born in 1912 in the Ukrainian town of Vinnitca in a poor Jewish family. Ester was the eldest child, besides her there were six sons in the family. She, the eldest and the only daughter, the parents' hope, started in 1927, at the age of fifteen, her studies at Dnepropetrovsk Railway Technical School, from which she graduated with honors. There she met her future and only husband Semen Loev. This was the love of her entire life. In 1936 they married and left for Khabarovskiy Kray. Semen, who graduated from a military school, was directed to this place to take up his military service.

Thanks to a good education it was easy for Ester to find a job in a new place; she became the chief of a large railway station. In 1938 their son, Jura, was born in the young family. And almost immediately after this Ester's husband was conscripted into the army to the Finnish war. Semen was away from the family as the second child, a girl named Maya, was born. He saw her only once, in 1941, when he visited his family before heading towards the battlefields of the Second World War. No one knew that this was his last meeting with his family. In 1942 he lost his life in a battle near Moscow.

Ester made up trains at the Far East and started them to the front line...

In 1944, when the news about the liberation of Ukraine was received, the young widow with two small children took the last train, made up by her own, and returned home, to her mother, father and brothers.

Ester arrived in Vinnitsa and found out that she remained completely alone. No one from her large family had survived. Her four older brothers died in the war; her

Эстер говорит: «я буду жить долго, я должна жить долго – за всю мою семью».

Я не знаю ни одного человека, который бы так любил жизнь!

Зеркало Эстер

Зеркало, на мой взгляд, мистический предмет. Вспомним хотя бы, сколько народных примет связано с ним. Так, например, нельзя смотреться в разбитое зеркало или отражаться в зеркале спящим – поэтому этот предмет интерьера редко встречается в спальне; в доме умершего закрывают тканью все зеркала. Примет много, но в основном они связаны с чем-то негативным.

Так же зеркало часто встречается в легендах и мифах различных народов, начиная с Древней Греции: Персей победил Медузу Горгону при помощи зеркала. Зеркало герой многих сказок (например, сказка А.С.Пушкина «О мёртвой царевне и семи богатырях»), как и современных литературных произведений (в романе «Хазарский словарь» Милорада Павича у принцессы было даже два зеркала – быстрое и медленное, от которых она и погибла).

Зеркало в доме Эстер тоже предмет необычный. Оно находится у неё уже 60 лет. С тех пор в доме не раз сменилась вся мебель, и только зеркало по-прежнему стоит в «красном» углу (где у православных располагаются иконы).

В 1948 году, закончив строить дом, Эстер отправилась на рынок неподалёку от дома за мебелью. Но вместо необходимых предметов интерьера она за все

деньги купила зеркало. Эстер увидела его у старьевщика и больше не смогла отвести глаз. Зеркало действительно потрясающее – старинное, изящное, но вместе с тем не перегруженное излишними элементами декора, от деревянной рамы так и веет теплом. Никто не знает, откуда оно появилось в маленьком провинциальном городке, и кто был его прежним владельцем. В первые годы после войны многие вещи потеряли своих хозяев и приобрели новых.

И вот уже шестьдесят лет это зеркало является неотъемлемой частью дома Эстер, её жизни: каждое утро она встаёт и первым делом улыбается своему отражению. Кто знает, возможно, до сих пор она видит в нём себя молодую.

Трудно сказать зеркало тому виной или нет, но с тех пор как оно появилось в доме, Эстер никуда больше не

parents and the two younger brothers were shot in a Jewish ghetto, based on a denunciation received from a neighbor.

After the war Ester moved to Belarus, where she lives at present. She never married again, and dedicated her entire life to her children and later to her grandchildren.

Ester says: 'I will have a long life; I must have a long life, to make up for my entire family'.

I know no other person, who loves life as much as she does!

Ester's Mirror

The mirror, in my view, is a mystical object. Just let us recall how many folk signs are connected with the mirror. Thus, for instance, one should not look into the broken mirror or should avoid to be reflected in the mirror during the sleep, therefore you can rarely find this object of interior in the bedroom; in the house of a dead person all mirrors are covered with cloth. Signs are abound, but in essence they are connected with something negative.

One can frequently encounter the mirror in legends and myths of different nations, beginning from ancient Greece: Persey conquered Medusa Gorgona with the aid of the mirror. The mirror used to be a main character in many fairy tales (for example, the Pushkin's fairy tale "About the dead princess and seven heroes"), and contemporary literature (in Milorad Pavich's novel 'Khazarskiy Dictionary' the princess had even two mirrors – a rapid and a slow one, these caused her death).

The mirror, which is in Ester's house, is not a common object. She owns it for more than 60 years now. During this time all the furniture was replaced a couple of times, but only the mirror remained at its place in the 'red' corner (where the orthodox used to put their icons).

In 1948, after the construction of her house, Ester left for the market, which was not far from the house, with the purpose to buy some furniture. But instead of buying the necessary objects of interior she spent all the money on a mirror. Ester spotted the mirror at a junk dealer and was not able to take her eyes off it. The mirror is really marvelous – ancient, refined, but at the same time not overloaded with unnecessary adornment, the wooden frame radiates warmth. No one knows how this mirror appeared in the small provincial town, and who owned it before. In the first years after the war many things lost their original owners and acquired new ones.

And for the last sixty years this mirror became the integral part of Ester's house and life: each morning, when she wakes up, the first thing she does is to smile at her reflection. Who knows, it is possible that she looks to her young self in the mirror.

It is difficult to say if it has something to do with the mirror or not, but after its appearance in the house Ester stopped moving from one place to another (though till that time she had changed a few places of residence throughout the Soviet Union). It

переезжала (а до того она сменила много мест жительства по всему Советскому Союзу). Возможно, именно зеркало стало своеобразным якорем, но так или иначе, они так и живут вместе – Эстер и её зеркало. Дети и внуки давно выросли и уехали. Годы идут, а зеркало по-прежнему отражает потрясающе красивую женщину, даже сейчас, когда Эстер 96 лет.

is likely that the mirror served as a kind of anchor, but one way or another, they keep leaving together – Ester and her mirror. Children and grandchildren grew up and left Ester long time ago. Years passed, but the reflection in the mirror depicts a marvelously beautiful woman, even now, when Ester is 96 years old.

ЛАРИСА ГЕНИЮШ, ПОЭТЕССА (1910 – 1983)

Я поставила рядом две фотографии. Это две женщины, судьбы которых очень похожи и очень разные. Первая – фотография великой белорусской поэтессы Ларисы Гениуш и ее мужа Юрия. Ее жизнь, стихи, слова, глаза, которые невероятным образом оставались одинаково пронзительными и вызывающими к борьбе на ее молодом, жаждущем жизни, и на пожилom, изможденном лице – они определили мое отношение к миру, они рассказали мне о моей родине больше, чем учебники истории и затхлые музейные залы, расчленяющие человеческую жизнь на экспонаты.

На второй – моя прабабушка Ираида Спечинская в день своей свадьбы 25 октября 1931 года. Я знаю о ней очень мало. Она вышла замуж за польского офицера Мартина Спечинского. В то время за шпионаж в пользу Польши расстреливали даже тех, кто никогда в глаза не видел живого поляка. Еще в начале 30-х расстреляли брата Иры Дмитрия – доказательством его вины стала эта свадебная фотография.

Когда началась война, а затем и советская оккупация, прабабушка, навсегда потеряв мужа в первые же дни сентября 1939 года, собрала чемодан для себя и для двух своих маленьких дочерей. Этот чемодан распаковали в 1953 году – в день смерти Сталина. Но даже после этого в семье не любили рассказывать о прошлом, а теперь уже некого спросить. Мартина вырезали из всех фотографий, сожгли малейшие упоминания о нем, все документы на отобранное советской властью имущество, все, что могло бы повредить им. На войне погибли все мужчины – женщины могли рассчитывать только на себя. Ира любила своих сестер, и они жили очень дружно. Между женщинами в нашей семье есть особая связь, и я ощущаю ее, и знаю, что моя дочь чувствует ее тоже.

Когда, будучи подростком, я прочитала «Исповедь» Ларисы Гениуш – вдохновляющую в любви к своей родине, страшную в описаниях зверства советской системы, – меня поразило, как похожа ее жизнь на жизнь моей прабабушки.

Они родились в одном и том же 1910 году, в зажиточных крестьянских семьях. Лариса – и Ира – в Яблони. Смотря на фотографии, где моя прабабушка в изысканных платьях и с тщательно уложенными волосами, я с трудом могла

LARISA GENIYUSH, POETESS
(1910 – 1983)

I placed two photographs side by side. These photographs show two women who had a very similar and though a very different fate. The first photograph shows the great Belarusian poetess Larisa Geniyush. Her life, poems, words, eyes, which in a most improbable way remain equally penetrating and appealing for the fight, on a young, life thirsty face, as well as on an elderly, exhausted face. They determined my relationship to the world; they told me more about my native land than history books or musty museum halls, which dissect human life to exhibition materials.

On the second photograph is my great-grandmother Iraida Spechinskaya on her wedding day of October 25, 1931. I know very little about her. She married a Polish officer Martin Spechinskiy. At that time the authorities used to shoot people to death for espionage in favor of Poland, even those people who had never seen a live Pole. At the beginning of the 30's Ira's brother Dmitriy was shot to death. This wedding photograph was used to proof him guilty.

With the beginning of the war and the Soviet occupation, my great-grandmother, who had lost her husband at the first days of September 1939, packed a suitcase for herself and her two small daughters. This suitcase was unpacked only in 1953, on the day of Stalin's death. But even after this, talks on past were avoided in the family, and nowadays nobody is left to remember the old times. Martin was cut out of all photographs, all references, and even the slightest ones, pointing to him, were burnt. All documents on the property, confiscated by Soviet regime, and everything else that might have caused harm had been burned. All men died at war, women could count only on themselves. Ira loved her sisters, they were a united family. There is a special bond between the women of our family, I can feel it, and I know that my daughter feels it as well.

себе представить, как она могла доить козу или жать рожь. Я прочитала об этом у Гениюш.

Они обе закончили польские гимназии. Они читали одни и те же учебники, их учителя, наверняка, были похожи и говорили примерно одно и то же, они читали те же самые книги, а также ходили на балы. Прабабушка говорила на нескольких языках, писала стихи и сказки для своих детей, Лариса обладала необычно развитым интеллектом и эрудицией, стала великой поэтессой – новаторницей многих сердец.

Ларису и ее мужа арестовали в 1948 году, их безмерно любимый 12-и летний сын остался совсем один в чужой стране. Мою прабабушку арестовали на несколько дней в этом же году по доносу соседей. Дома остались одни две девочки, 14-и и 7-и лет. Своими глазами видел то, что происходило во время оккупации, Ира не могла не понимать, какая судьба может ожидать ее дочерей. Я не знаю, что она чувствовала, но я помню рвущие сердце строки Гениюш, когда она пишет о судьбе своего сына.

Лариса была стойкой и сильной, она пережила 10 лет сталинских лагерей, вернулась в Беларусь, до конца жизни не принимала советского гражданства и умерла в 1983 году. Она написала не так много, но каждое ее слово бережно хранится людьми, которые любят ее. Она остается живой и сильной, благодаря своему слову. И я вижу ее лицо, тоже благодаря этому.

Моя прабабушка была одной из миллионов белорусских женщин, и горя и радости в ее жизни было столько же, сколько у всех. В конце 1940-х годов родители мужа настойчиво просили ее переехать в Польшу или

отпустить туда детей. Ира не согласилась. Ее дочь, моя бабушка, не могла ей простить этого, и в один момент, во время ссоры или просто в порыве отчаяния, проткнула Ирино лицо на свадебной фотографии. Такой она и осталась для меня – одинокая, с израненным сердцем. Она умерла в 1955 году, за несколько дней до рождения моей мамы.

Свадебная фотография. Начало 30-х гг XX века.

1, Типичный свадебный наряд для католического обряда. Именно так выглядели невесты из мещанских семей, проживающих на территории Западной Беларуси. Наряд состоит из белого платья, современного на тот момент покрою – длинный рукав, длинная двухслойная юбка. На шее – круп-

In my youth I read ‘The Confession’ of Larisa Geniyush. It evoked a love to my native land and described the cruelties of the Soviet system, and the resemblance between her life and the life of my great-grandmother surprised me.

They were born in the same year 1910, in prosperous peasant families. When I look at the photographs of my great-grandmother, who is depicted wearing refined dresses and with her hair neatly arranged, for me it is hard to imagine her milking a goat or harvesting a rye. I read about this at Geniyush’s.

They both finished Polish secondary schools. They read the same textbooks, their teachers, for sure, were similar and taught them approximately the same things, they read the same books, and they both used to go to balls. My great-grandmother spoke several languages, she wrote poems and fairy tales for her children. Larisa was a woman of outstanding intellect and erudition; she became a great poetess and brought inspiration to the hearts of many.

Larisa and her husband were arrested in 1948 and their immensely beloved 12 years old son was left alone in a foreign country. My great-grandmother was arrested for several days in the same year based on denunciation received from a neighbor. The two girls of 7 and 14 years were left alone at home. Having seen the horror of the occupation with her own eyes, Ira understood what a fate her daughters might face. I do not know what she felt, but I remember the heart-tearing lines of Geniyush’s poem, written about the fate of her son.

Larisa was enduring and strong, she survived 10 years in Stalin’s camps, returned to Belarus, and till the end of her life refused to take the Soviet citizenship and died in 1983. She had written not much, but her words are carefully preserved by people, who love her. She keeps living and being strong through her words. And thanks to her words, I am able to see her face.

My great-grandmother was one of millions of Belarusian women, and she had as much grief and happiness in her life as anybody else. At the end of 1940 her husband’s parents persistently requested her to move to Poland or let the children go there. Ira refused. Her daughter, my grandmother, could not forgive her, and in a moment of quarrel or simply in a burst of despair, she pierced Ira’s face depicted on the wedding photograph. That way she remains in my memories – lonely and with a broken heart. She died in 1955, just several days before my mum was born.

Wedding photograph. Beginning of 30’s of the 20th century

1, A typical wedding dress for the Catholic ceremony. The photograph shows the typical look of a bride from a bourgeois family, which lived in the territory of West Belarus. The bride’s wedding attire consists of a white dress cut by the fashion of that time – long

ное ожерелье. Интересный элемент – веночек из живых цветов, что может свидетельствовать о принадлежности девушки к зажиточной крестьянской семье. В руках у невесты небольшой аккуратно оформленный букет живых цветов.

2, Здравствуй, Инна!

Хочу написать тебе немного том, почему для этого задания я выбрала свадебное платье своей прабабушки.

Во-первых, это единственное, что я могу приписать только ей. К сожалению, во время войны дом моей семьи сгорел со всеми документами и вещами. Не осталось почти ничего. Правда, у меня есть еще гобелен, который ей подарили на свадьбу. Он, кстати, чудесно сохранился благодаря моей маме, а теперь висит у меня дома. Причем выглядит вполне современно. А еще есть швейная машинка Singer, даже две. Одну опять же подарили на свадьбу бабушке Ире, а вторая была подарена на свадьбу пра-пра-бабушке Прасковье. Ей больше 100 лет. И представляешь – на ней до сих пор можно шить!

Во-вторых, Ира первая из дочерей выходила замуж, и я уверена, что платье шили именно для нее, причем очень тщательно. Я тебе писала уже, что у прабабушки был хороший вкус, она сама прекрасно шила, поэтому даже не сомневаюсь, что платье она выбирала с особой аккуратностью.

И потом, знаешь, все-таки это замужество определило всю ее судьбу. Она стала католичкой, потеряла брата на самом деле из-за своего мужа, а после оккупации – этот вечный страх за детей, боязнь ареста, ссылки, расстрела... А на этой фотографии она такая юная, счастливая, нежная, ничего не знает о том, какой ужас ждет ее впереди.

Я очень рада, что эта фотография сохранилась. Я показываю ее своим детям, рассказываю про их пра-пра-пра-бабушку и пра-пра-пра-дедушку. Они с интересом слушают. А Устинке, дочке, платье нравится. Она говорит, что бабушка очень красивая.

Ну вот, кажется, все рассказала. Думаю, ты поймешь меня.

Обнимаю,
Саша

3, На фотографии начала 30-х годов XX века изображена девушка-невеста из мещанской семьи. Такой свадебный наряд был обязательным элементом брачного обряда. Платье для девушки-христианки шили только белого цвета – оно символизировало чистоту и невинность невесты. Фасон ни в коем случае не мог быть вызывающим – руки полностью закрыты, юбка доходит почти до земли. Голову украшал веночек из цветов с фатой или без нее.

Видно, что платье сшито на заказ по моде того времени, хотя, возможно, оно перешло ей от старших членов семьи. Как правило, подвенечный наряд хранил-

sleeves, long two-layered skirt. The bride wears a large necklace. Interesting detail – a wreath made from real flowers. This indicates that the girl belongs to a prosperous peasant family. In her hands, the bride holds a small, neatly made bunch of flowers.

2, Hello, Inna!

I would like to explain to you why I have chosen the wedding dress of my great-grandmother for the given exercise.

First, it is the only thing which I can assign exclusively to her. Unfortunately, during the war the house of my family burned down, and all documents and things were lost. Only a few things remained. I have a gobelin, which was her wedding present. Thanks to my mom it is still in a very good condition. Now it is in my house and looks quite modern. And there is a Singer sewing machine, even two. One of them is just another wedding present of my grandmother Ira, the second one was given as a wedding present to my grand-grand-grandmother Praskovja. It is more than 100 years old. And just imagine – it is still operational!

Second, Ira was the first among her sisters to get married, and I am sure, that the dress was designed with great thoroughness exclusively for her. I wrote to you, that my great-grandmother had a good taste, she was a skilled needlewoman, therefore I have no doubts, that she had chosen the dress with special care.

And then, you know, after all the marriage determined her entire fate. She became a catholic, in fact, lost her brother because of her husband, and after the war – this never ending fear for her children, fear of arrest, exile, execution. But on this photograph she looks so young, happy, and tender, she knows nothing about the horrors awaiting her.

I am very glad, that this photograph is well-preserved. I used to show it to my children and tell them about their grand-grand-grand-grandmother and their grand-grand-grand-granddad. They listen with interest. And Ustinka, my daughter, likes the dress. She says that grandmother is very beautiful.

Well, it seems I had told you everything. I think you will understand me.

Embracing you,
Sasha

3, The photograph from the beginning of the 30's of the 20th century depicts a bride from a bourgeois family. This kind of wedding attire was the necessary part of the wedding ceremony. The dress of the Christian-girl had to be of white color, which symbolized cleanliness and innocence of the bride. The cut of the dress was not allowed to be provoking, the hands were completely covered, and the skirt was almost touching the earth. On the head she had a wreath with bridal veil or without.

Evidently the dress was custom-made in line with the fashion of that time, but it is also possible that she inherited it from her senior family members. The wedding

ся в семейном шкафу долгие годы. Украшения для обряда тоже выбирались или покупались лучшие из тех, что семья могла себе позволить, хотя они тоже должны были выглядеть скромно. В руках невеста держала букет из живых цветов.

5, Забывается то, что перестало быть нужным. Вещи, которыми люди перестают пользоваться, уходят не только из их рук, но и из памяти. Кто сейчас вспомнит, как выглядели и зачем были нужны прялка, пяльцы, кочерга? Даже те предметы, которые казались привычными в моем детстве – виниловые пластинки, дисковый телефон, пейджер, печатная машинка, – теперь найдешь с трудом, а прошло всего-то 10-15 лет. Если один предмет заменяется другим, более совершенным, тогда у предшественника есть шанс сохраниться хотя бы в виде музейного экспоната.

Зато мы искренне храним вещи, которые связывают нас с памятью о дорогом человеке или событии, даже если в них нет ничего ценного... В семье они могут передаваться из поколения в поколения, и их утрата, как правило, приносит искреннее огорчение.

Часто забываются и уничтожаются объекты, которые предназначения которых люди не понимают. Так, пару лет назад в Минске строители пришли в подвал одного из жилых домов и вывезли оттуда мусор. Оказалось, что этот подвал арендовала группа археологов, а «мусор» – был результатом многолетних экспедиций. Историки со слезами на глазах пытались доказать, что погибли ценнейшие материалы, а на лицах рабочих было искреннее удивление и смущение. На самом деле вся история очень закономерная: если в руки попадает значимый объект, ты обязан объяснить его значение другим людям. Если этого не происходит – объект утрачивает всяческую ценность.

Забываются люди, которые не смогли рассказать о себе и о которых не могут рассказать другие. Подумаешь об истории своей страны – и вспомнишь много имен, но большинство из них – мужские. Размышляешь об истории своей семьи – и перед тобой встают женские образы. Что помнишь о своих пра-пра-бабушке и пра-пра-дедушке? То, что рассказали тебе их дети и внуки.

Не с меньшей, а даже, и с большей агрессией, ломают память исторические катастрофы – войны, репрессии, голод, эпидемии. Усердно, последовательно и жестоко уничтожается память в авторитарных и тоталитарных обществах. В каждой пост-советской семье найдется кто-то, о ком сначала просто нельзя было говорить – он был в тюрьме, ссылке, лагере или расстрелян. А потом его просто забыли. Во время войны и оккупации люди навсегда теряли свои дома, а вместе с ними документы, фотографии, вещи. Многие потом называли себя другими именами, меняли даты и места рождения, меняли свои жизни, отрезая себя от памяти и истории.

Память можно сохранить и передать только в словах.

ceremony decoration was the best the family could afford, but at the same time it had to look modest. In her hands the bride holds a bunch of flowers.

5, Unnecessary things tend to be forgotten. Things, which people stop to use, go off not only their hands, but also go out of their memories. Who can recall now the look or the purpose of distaff, tambours, poker? But nowadays it will be difficult to find even the customary objects of my childhood, such as vinyl plates, disk telephone, pager and type-writing machine, though only 10-15 years passed. When one object is replaced by another, more advanced one, then the predecessor has a chance to be preserved at least as a museum exhibit.

On the other hand we sincerely store things, which help us to keep memory about a precious person or event, even if they represent no material value... They can be passed from one generation of the family to next generation, and their loss perceived as a grief.

People frequently forget and destroy things, the purpose of which they do not understand. Thus, a few years before in Minsk the construction workers came and cleaned out the garbage from a basement of a building. It turned out that the basement was rented by group of archaeologists, and the built-up 'garbage' the result of many years' research expeditions. Historians with the tears on their eyes tried to explain that valuable materials were destroyed, but the faces of construction workers showed sincere surprise and confusion. In reality the whole history exists in accordance with the laws of nature, and when a significant object falls into your hands, you are obliged to explain its significance to other people. When it does not occur, the thing loses all his value.

People, who could not tell their stories or whose stories are not told by the others, tend to be forgotten. When you think about the history of your country, you can recall a lot of names, most of them are of men. When I reflect on the history of my family, I see female characters. But what do I remember about my grand-grand-grandmother or grand-grand-granddad? What I heard from their children and grandchildren.

Historical catastrophes, such as war, repression, hunger and epidemics, hasten the destruction of our memories. Autocratic and totalitarian regimes thoroughly, consistently and cruelly destroy the memories. Every post-Soviet family has a person, talks about whom were avoided at the first times, because he was in prison, in exile, in lager or shot to death. Later on he was forgotten. During the war and occupation people lost their homes forever, and together with them they lost their documents, photographs, things. Afterwards many had changed their names, dates and places of birth; they changed their lives and left behind their memories and their history.

Memories can be preserved and handed over only in words.

АННА ИВАНОВНА КНОТЬКО, БАБУШКА (1908 – 1998)

Я хочу рассказать о моей бабушке Кнотько Анне Ивановне 1908 года рождения. Выбор этот сделан мной неслучайно. Моя бабушка – потрясающая женщина. Пусть она не сделала ничего выдающегося в общественной или политической жизни, но вместе с тем она сделала то, что не под силу многим современным женщинам: оставшись в 1953 году без мужа, с 9 детьми, она сумела

одна их вырастить и воспитать достойными людьми. Но все по-порядку.

Родилась моя бабушка в белорусской деревне Бобр, Минской области, Крупского района. В 1928 году вышла замуж. В 1941 году пришла война, а у моей бабушки на тот момент было уже 5 детей. Немцы остановились и в доме бабушки, а всю семью выгнали жить в землянку, выкопанную недалеко от дома. Бабушка работала не покладая сил, как могла, помогала дедушке, делая вместе с ним всю мужскую работу для того, чтобы ее дети не остались голодными и были живы.

В 1953 году умер дедушка, и бабушка осталась одна с 9 детьми. Но она не отчаялась и сделала все, чтобы ее дети ни в чем не нуждались. Работала она простой дояркой в колхозе и содержала большое хозяйство. Все дети помогали по хозяйству: работали в огороде, смотрели за домашними животными. С детства они знали, что должны поддерживать и помогать друг другу: так старшие присматривали за младшими, когда оставались одни дома, помогали друг другу с учебой, делились всем, что было. Повзрослев, они все это перенесли и в во взрослую жизнь. С детства моя мама и все ее сестры, и братья были приучены к труду, взаимопомощи. Бабушка своим собственным примером научила их быть стойкими перед трудностями, трудолюбивыми, не унывать и поддерживать друг друга в трудную минуту. Я думаю, именно благодаря ей у моей мамы и у меня такая большая, дружная семья. Семья, в который каждый помогает друг

KNOTKO ANNA IVANOVNA, GRANDMOTHER (1908 – 1998)

I would like to tell you about my grandmother Knotko Anna Ivanovna who was born in 1908. I have chosen to write about her with purpose. My grandmother is an astonishing woman. Although she has no outstanding achievements in the fields of public or political life, she did something, what a great many of today's women are not able to fulfill. In 1953, being left alone, without a husband and with 9 children she managed to bring them up as worthy men and women. I will tell you everything step by step.

My grandmother was born in the Belarusian village Bobr, Minsk district, in the Krupskaya region. In 1928 she got married. In 1941 when the war started, my grandmother already had 5 children. The Germans found accommodation in the house of my grandmother, the family was driven out from the house and lived in an earth-house, which was dug out not far away from the house. My grandmother worked tirelessly day and night. Whenever she could, she tried to help granddad by doing all the male work in order to ensure her children will stay alive and will not suffer from hunger.

My granddad died in 1953, and my grandmother was left alone with 9 children. She did not fall into despair, but did everything which was in her power to provide for her children. She worked as a milkmaid in the collective farm and contained a large farm. All the children took part by working in the vegetable garden or looking after the domestic animals. Since their childhood they knew that they should help each other. When being left alone at home, the elder children looked after the younger children; they helped one another in their studies and shared everything they had. Once grown up, they continued to support each other. Since childhood my mom and all her sisters and brothers were accustomed to work and mutual support. My grandmother's life serves as a good example on how to endure hardship, be diligent, do not fall into despair and support one another in hard times. I think that thanks to my grandmother my mom and I have such a big and friendly family. In our family everybody helps and supports one another, we share all our grief and happiness. My grandmother brought up diligent, honest children, and she became a happy grandmother of 15 grandchildren. My grandmother died at the age of 90.

And now thanks to my grandmother, a simple woman from the Belarusian village, I have an excellent example of a great family.

другу, поддерживает и делит все горести и радости. Бабушка воспитала трудолюбивых, честных детей, которые подарили ей 15 внуков. Умерла моя бабушка в возрасте 90 лет.

И теперь у меня есть прекрасный пример того, какой должна быть семья, и все благодаря моей бабушке, простой женщине из белорусской деревни.

Икона Божьей Матери с Младенцем

1, Уважаемые дамы и господа! Добро пожаловать в наш виртуальный музей «Тайны старины». Здесь вы не увидите привычных образов известных мастеров, не услышите об их жизни. Здесь вы столкнетесь с загадочным, интересным и таким прекрасным миром старины. С тем, что десятилетиями хранят наши бабушки, тети, мамы, с тем, что кажется и не представляет большой ценности в искусстве, но так дорого и ценно для нашего сердца.

Икона Божьей Матери с Младенцем. Эта икона принадлежала Кнотько Анне Ивановне, которая проживала в поселке Бобр, Минской области, Крупского района. Она была создана в начале 50-х годов XX столетия в церкви, которая находилась в деревне Худовцы, в нескольких километрах от поселка Бобр. Как известно, во времена советской власти религия и церковь были запрещены. Иконы и другие церковные атрибуты создавались в тайне, и под страхом ареста. Что касается сельской местности, то там иконы были почти в каждом доме, так как деревенских жителей, особенно уже немолодых, было невозможно заставить отказаться от веры в Бога. Они ходили в церкви, которые находились, как правило, в самых отдаленных деревнях, покупали там иконы, молились тихо по ночам, чтобы никто не слышал. Так благодаря им, много икон, в том числе и ценных, сохранились и дошли до наших дней. Икона Божьей Матери с Младенцем по сей день находится в доме Анны Ивановны. Икона не представляет большой ценности, для ее выполнения использованы масляные краски и фольга. Со временем фольга потемнела и была заменена на цветы, что придало ей еще большую красоту и праздничность. Икона Божьей Матери с Младенцем – хранилище семьи Кнотько и светлая память об их маме и бабушке Анне Ивановне.

2, Привет Анюта!

Я, наконец, определилась с выбором. Я решила, что расскажу про бабушкину икону. Я очень долго думала над тем, что имело большое значение для моей бабушки, и так бы, наверное, еще долго думала, если бы не моя тетя. Она сказала такую фразу: «Я все детство прожила с нашей иконой...». И я поняла! Если моя мама, ее сестры и братья все детство прожили с иконой, то бабушка –

Icon of the Mother of God with the Baby

1, Respected Ladies and Gentlemen! I am glad to greet you at our museum 'Secrets of Old Times'. Here you will not find the customary pieces of art from well-known masters, you will not hear about their life. Here you will encounter the mysterious, alluring and magnificent world of the old times. You will learn about things, saved by our grandmothers, aunts and moms. From the point of art these things do not represent much value, but they are dear and precious to our hearts.

The Icon of the Mother of God with the Baby. This icon belonged to Knotko Anna Ivanovna, village Bobr, Krupskaya region. This icon was created at the beginning of 50's of 20th century in a church located at village Khudovtsy which is a few kilometers away from the village Bobr. As it is widely known at the Soviet times religion and church were forbidden. Icons and other church attributes were created in secret under the fear of arrest. As for the rural area, here icons could be found almost in every house, because country-people, especially the elderly, cannot be forced to give up their belief in God. They attended church services in the churches, which as a rule were located at the remotest villages, bought there the icons, silently prayed at night, so that nobody can hear. Thanks to them many icons, among which were also valuable ones, reached our days. To this very day the Icon of the Mother of God with the Baby is in the house of Anna Ivanovna. The icon does not represent a great value. Oil paints and foil were used for its manufacturing. In the course of time the foil darkened and was substituted with flowers, which brought in more beauty and splendor. Icon of the Mother of God with the Baby is a guardian of the Knotko family and a blessed memory of their mom, my grandmother Anna Ivanovna.

2, Hi Anyuta!

Finally I made up my mind. I decided to tell about my grandmother's icon. I was thinking for a very long time about what was of such a great importance in this icon for my grandmother. Probably, I would be still thinking about it, unless my aunt. She told me a phrase 'I lived all my childhood with our icon...' And I understood. If my mom, her sisters and brothers lived all their childhood with the icon, then my grandmother lived with it her entire life. To this very day the icon is in her house (my mom's elder sister lives there now). And I think that this icon really guards the house of my grandmother. My grandmother was a strong believer. It was not easy at that time. My aunt told me that she never forced her children to believe and pray, she simply used to tell them 'I believe, but you should acquire the faith your own way'. And they acquired faith, though not all of them. My grandmother prayed very quietly at night so that no one could see or hear her. There was not even a church in the village, because it was destroyed, so people walked several kilometers into the next village. Here my grandmother bought the icon after the war. The icon is simple, but very beautiful. It

всю жизнь. Эта икона и сейчас находится в ее доме (там теперь живет мамина старшая сестра). И мне кажется, именно она хранит бабушкин дом. Бабушка была очень верующим человеком. А ведь это было не так просто в то время. Моя тетя рассказала, что она никогда не заставляла детей верить и молиться, она просто говорила «Я верю, а вы сами должны к этому прийти». И пришли, пусть и не все. Бабушка и молилась тихонько по ночам, чтобы никто не видел и не слышал. В нашей деревне и церкви-то даже не было, ее разрушили, поэтому жителям приходилось ходить в другую деревню за несколько километров от дома. Именно там бабушка после войны и купила икону. Она совсем простая, но очень красивая: на ней изображена Богоматерь с младенцем и висит она в красном углу (помнишь, так раньше называли угол, где находится икона), украшенная самоткаными рушниками. Бабушка всегда следила, чтобы рушники были чистыми, и по праздникам выбирала для украшения самые красивые. Бабушка верила, что эта икона оберегает и хранит ее семью. Всегда все самое важное и ценное хранилось только за иконой. А теперь это не только светлый образ Богоматери с нежностью смотрящей на Иисуса, но и память о бабушке, такой же доброй и любящей своих детей.

3, «Прекрасный лик,
Печальный взор,
Младенец на руках:
То Божья Матерь.
С давних пор
Она глядит сквозь годы и века.
Несет мне свет
Любви и доброты,
Несет мне скорбь
И нежность чистоты
И понимает
Все, чем я живу,
И верит –
Я ее пойму...»

Ольга Дубова: «У иконы Божией Матери»

Икона с изображением Девы Марии с младенцем, созданная неизвестным автором, хранится в доме семьи Кнотыко в поселке Бобр, Минской области, Крупского района. Это не единственная икона, автор которой не известен, почти в каждом доме сельских жителей есть такие иконы. Несмотря на всю простоту использованных материалов – масляные краски и фольгу, икона излучает какой-то необычайный внутренний свет, и все кто ее видел, это подтверждают.

depicts the Mother of God with the Baby. The icon hangs at the 'red' corner (as you remember, in such a way we used to name the corner, where the icon was), which is decorated by self-weaved embroidery. Grandmother always kept the embroidery clean, and she always picked out the finest of them to beautify the corner on the holy days. My grandmother believed that the icon protects and guards her family. The most precious and important things always had been stored behind the icon. And now this is not only a sacred image of the Mother of God, who looks to Jesus with tenderness in her eyes, but also a memory about my grandmother, just as kind and loving towards her children.

3, «Splendid face,

Sad look,

Baby on the hands:

That is the Mother of God.

For a long time

She looks through the years and through the centuries.

She brings me the light

Of love and kindness,

She brings me the sorrow

And the tenderness of purity

And understands

Everything in my life,

And believes –

I understand her too...»

Olga Dubova: *'At the Icon of the Mother of God'*

The Icon of the Mother of God with the Baby was created by the unknown master and now stored in the house of Knotko family at the village Bobr, Minsk district, Krupskaya region. This is not the only icon of unknown master; nearly every resident of the village had such an icon in his house. Despite the simplicity of used materials, oil paints and foil, the icon emanates a unique inner light. Everybody who had seen the icon, acknowledged it. The almond-shaped eyes of the Mother of God are of extraordinary beauty and they are full of immense grief, she looks at her baby with tenderness and love. Certainly each mother looks at her new-born child just like this. Once had looked at the image, one could not take his eyes off it. Unfortunately even the colored picture would hardly convey the exceptionality of this icon, but if you watch closely, you will feel the warmth and light, radiated by it.

4, I had known before that the icon was created by an unknown master, but nevertheless I hoped that my aunts, who were quite the grown-ups at that time, will manage to

Необычной красоты миндалевидные глаза Богоматери, полные неизмеримой грусти, с нежностью и любовью смотрят на младенца. Так, наверное, каждая мать смотрит на своего ребенка, который только приходит в этот мир. Стоит только взглянуть на изображение и уже невозможно отвести взгляд. К сожалению, даже цветной иллюстрацией тяжело передать всю необыкновенность этой иконы, но если вы взгляните внимательнее, то почувствуете все тепло и свет, которые от нее исходят.

4, То, что икона написана неизвестным автором, я знала давно, но все-таки надеялась, что моим тетям, многие из которых были уже достаточно взрослыми, удастся об этом что-нибудь вспомнить. Но, к сожалению, все не так просто. Во-первых, икона не была подписана – мастера в те времена просто боялись сурового наказания; во-вторых, жители деревни если и знали, кто пишет иконы, то ничего об этом не рассказывали. Известно только то, что бабушка приобрела икону в соседней с нашей деревне Худовцы. Эта была самая отдаленная деревня, и партийные чиновники туда заезжали редко, видимо, поэтому там и находилась единственная в округе церковь, куда ходили жители всех других деревень, туда же втайне возили крестить детей. Мне кажется, мастер, который создал эту икону, жил и работал в Худовцах. Человек он был уже немолодой, молодежь, как правило, верила в партию, а не в Бога. Возможно, уроженец этой деревни, который открыл в себе дар писать иконы, а возможно солдат, оставшийся после войны один-одинешенек. Работал он, скорее всего, при церкви, ведь после войны многие из них нуждались в восстановлении, и хороший мастер был на вес золота. У многих жителей деревни были дома подобные иконы и, возможно, у них всех один автор. Прожил ли он всю жизнь в своей деревне? Может быть, продолжая дарить людям радость и веру своими работами. А может, он покинул ее и отправился странствовать, чтобы познакомиться с искусством иконописи в других церквях, и подарить им свое. Но как бы ни сложилась его жизнь, я думаю, он получил сотни благодарностей от тех людей, для которых создал свои работы, и которые до сих пор хранятся у них как главная святыня в доме – в красном углу и в рушниках.

recollect some details. But unfortunately it is not as simple as that. First, the icon was not signed, because at that times masters were afraid of harsh punishment. Second, even if the inhabitants of the village had known, who was painting the icons, they told nobody about it. All we knew is that my grandmother bought the icon in neighboring village called Khudovtsy. It was the remotest village and party officials had rarely visited it. Therefore it was the only village in the neighborhood which had its own church, attended by residents of the nearby villages. People brought their children here to baptize under the veil of secrecy. I think that master, who painted this icon, lived and worked at the village Khudovtsy. He was of middle age or older, because young people as a tendency believed in the party, not God. Maybe he was born in this village and discovered his talent for icon painting, but it also could be that he was a former soldier, who was left without a family in the course of the war. Most likely that he worked at the church, because after the war lots of churches needed a renovation, and a good master was worth his weight in gold. Many residents of the village had similar icons at their homes, so it is likely that they were painted by the same master. Did he live all his life in the village? Maybe, yes, and he still keeps bringing people joy and faith through his icons. But it also could be that he left the village and started to wander in order to learn the art of icon-painting in another churches, and reveal them his own experience. Whatever was his life path, I think that hundreds of people expressed him their thankfulness for the icons, which are still placed in sacred places of their homes – at the ‘red’ corner decorated with embroidery.

**НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА ГЕЛЬМАНАЙТИС
(ГОНЧАР), БАБУШКА
(1921 –)**

Родилась 8 августа 1921 года в семье батраков.

Окончила 4 класса. Училась очень хорошо. В 14 лет пошла на работу, на фабрику, сознательно завысив свой возраст. К этому времени семья прадедушки (бабушка была старшей из троих детей) переехала жить в город Мосты Гродненской области, где потом родилась моя мама и я (причем нас принимала одна акушерка).

Затем бабушку отдали учиться крою и шитью, чем она занималась всю свою жизнь, став лучшей портнихой в своем городе.

Моя бабушка жила в беспокойное время в беспокойном месте.

Поляки, русские, немцы – власть менялась, а люди жили. Каждая власть приносила свои неприятности, которым моей бабушке приходилось противостоять.

Русские арестовали ее первого мужа, немцы принесли страх – семья прабабушки воспитывала двух детей красных командиров (просто подобрали их на дороге). После войны пытались арестовать ее маму (бабушка выкупила ее у нкаведешников за кусок сала и шелковую скатерть, которая понравилась жене одного из них).

Мужа ее сестры арестовали по доносу жены брата ее второго мужа (вот такие закрученные истории бывали).

Появились дети, надо было зарабатывать деньги, и в то же время вести дом (вода из колодца, топить дом дровами, большой огород, который всегда был в образцовом порядке, да еще домашние животные: куры и свиньи). Кстати, мой прадедушка коптил лучшие поленницы в городе.

И всегда моя бабушка была очень тактична и великодушна.

Самой большой и самой несбыточной мечтой для нее стало образование.

Мамино и мое университетское образование было для нее чем-то особенным, – не побоюсь сказать – прекрасным, чем-то, что делала все ее труды, всю ее очень тяжелую жизнь оправданной.

Я ее очень люблю, потому что она лучшая бабушка на свете.

**NADEZHDA VLADIMIROVNA GELMANAYTIS
(GONCHAR), GRANDMOTHER
(1921 –)**

She was born on August 8, 1921 in the family of farmhands.

She finished 4 classes. She was doing well at school. At the age of 14 she started to work at the factory, by pretending to be of higher age. By this time my grand-grand-dad's family (my grandmother was the eldest child) moved to the town Mosti, Grodnensk region, where later my mom and I was born (the same midwife assisted with our births).

Later my grandmother started to attend a dress-making school. Her occupation for the rest of her life was decided and she became the best dressmaker of the town.

My grandmother lived in a restless time and in a restless place.

Poles, Russians, Germans – one regime was changed by another, but people lived. Each regime brought its troubles for my grandmother, but she managed to overcome them.

The Russians arrested her first husband; Germans brought fear, because the grand-grandmother's family was bringing up two children of red commanders (they simply found them on the road). After the war they tried to arrest her mother (my grandmother paid the officers of NKVD for her freedom with a piece of lard and a silk tablecloth, which attracted the sympathy of one of their wives).

The husband of her sister was arrested based on a denunciation received from her second husband's brother's wife (such twisted stories occurred in our family).

Children were born, money had to be earned, and at the same time she had to take care of the house (water came from the well, the house was heated by firewood, there was an excellently maintained vegetable garden, and they also had domestic animals: hen and pig). By the way, my great-grandfather smoked the best polenvitsy in the town.

Бабулины тетрадки

Вот две тетрадки моей бабушки. Я нашла их когда мне было лет 10, а моей бабуле лет 60. Я помню свое тихое потрясение от столь явного материального доказательства того, что моя бабушка тоже была маленькой девочкой.

Бабушка часто в своих рассказах вспоминает школу. Школа для нее всегда была чем-то светлым, символом мечты и радости.

После шестого класса бабушка в школу уже не пошла (школа была очень далеко, не пустили). Она до сих пор вспоминает день, когда другие дети шли в школу, а она сидела на кухне, ела суп, и слезы – кап-кап – падали в этот суп. Мне всегда было очень жалко бабушку.

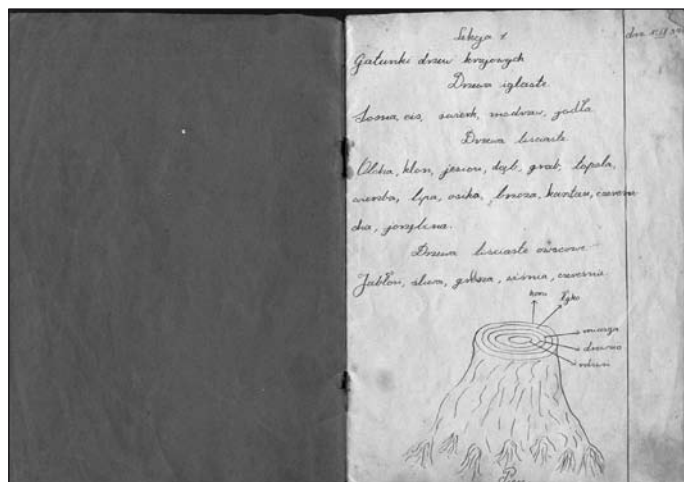
Она очень хотела стать врачом. Стала портнихой, исключительного таланта закройщицей, девушкой, первой сделавшей в городе Мосты перманентную за-

вивку. Но... образование так и осталось для нее самой большой мечтой.

Поэтому, когда вначале мама закончила университет, а потом и я поступила туда, для бабушки это было как чудо, единственное, за что она слегка прощала и принимала советскую власть.

Две тетрадки кирпичного цвета со страничками, так не похожими на мои тетрадки. Без клеточек и линеечек. Ни единой кляксы, ровные строчки, и замечательные рисунки. Бабушка любила учиться, в отличие от меня. Оценки – только хорошо и очень хорошо.

Я беру эти тетрадки в руки и каждый раз испытываю нечто совершенно особенное.

My grandmother always was a very tactful and generous woman.

Her biggest and unrealized dream was of education.

She valued my mom's and mine university education so much, that I would say she considered it as something wonderful, which justified all her efforts and all her very hard life.

I love her very much, because she is the best grandmother on earth.

Grandmother's writing-book

Here are two writing-books of my grandmother. I found them when I was 10 years old, and my grandmother was 60 years old. I can recollect my quiet shock caused by this explicit material proof of the fact, that it was time when my grandmother was a small girl.

In her stories my grandmother frequently refers to the school. For her the school is always a bright place, it is the symbol of dream and joy.

After the sixth grade my grandmother ceased to attend the school (the school was far away and she was not allowed to go there). To this very day she used to recollect in her memories the day, when other children went to school, and she was sitting at the kitchen, ate soup, and her tears one after another (drip-drop) fell into the soup. I always felt very sorry for my grandmother.

She wanted to become a doctor. She became a dressmaker, a cutter of exceptional talent; she became the first girl in the town Mosti, who had her hair waved with permanent wave. But ... the education was her greatest dream.

Therefore, first when my mom graduated university, and later when I started my studies there, my grandmother perceived it as a miracle. It was the only thing which made her slightly forgive and accept the Soviet regime.

Two writing-books of brick color with the pages, so unlike the pages of my writing-books. They are without cells and lines. Not a single blot, just even lines and wonderful illustrations. Unlike me, my grandmother liked to study. She received only good and very good marks.

Each time I take these writing-books into my hands I experience something special.

МАРИЯ ЕФИМОВНА ДОРОНИНА, БАБУШКА (1929 – 2004)

Моя бабушка, Мария Ефимовна Доронина, родилась 29 мая 1929 года в деревне Обухово, Оршанского района, Витебской области, Беларуси. Несколько черт ее биографии рисуют нам всю ее жизнь. И один из таких фактов в том, что через 75 лет, в этой же деревне она ушла из жизни...

Она была белоруска, православная. Как мне кажется, ее жизнь – просто воплощение белорусского характера: терпеливого, толерантного, спокойного... И очень жизнестойкого.

Ее семья считалась в деревне очень приличной, воспитанной, интеллигентной, отношения в семье были очень уважительными. Все дети, а их было шестеро, получили образование. В 1942 году, когда бабушке было 13 лет, в деревне были немцы. Двое поселились в доме бабушкиных родителей, выгнали их отсюда. Она ходила к ним убирать, рассказывала, что «один был добрый, один – злой»....

Бабушка закончила 7 классов. Потом работала в колхозе, в поле, на ферме... В 18 лет юная Мария вышла замуж. Интересная деталь: при росписи она даже не меняла фамилию! И она, и муж Василий были Доронины, эта фамилия и сейчас у половины жителей деревни Обухово.

Мой дедушка, Василий Романович Доронин, родился в 1925 году. В 1941 году, в 16 лет он ушел в лес, к партизанам. Потом написал в документах, что ему уже есть 18, и отправился на фронт. Мы, в семье, эту тайну знали, но до конца жизни дедушка по всем документам так и остался 1923 года рождения... Дедушка дошел до Берлина, брал Кенигсберг. Он вернулся с войны только в 1947 году, именно из-за добавленного себе возраста, потому что его отправили еще и на войну с Японией.

Маша и Вася познакомились уже после войны. Дедушка был парнем очень бойким, любителем погулять, выпить, приударить за девушками. Бабушка, наоборот, была очень скромной, спокойной и тихой... Но и влюбленной по уши. Как утро – она уже сидит на лавочке, в косыночке, и Васю ждет. Дед приезжал, катал на машине. Бабушка была очень красивой – невысокая, миниатюрная, с русой косой до пояса.

MARIA EFIMOVNA DORONINA, GRANDMOTHER (1929 – 2004)

My grandmother Maria Efimovna Doronina was born on May 29, 1929 in the village Obukhovo, Orshanskiy district, Vitebskiy region, Belarus. Several features of her biography may draw up her entire life. One of such facts is that 75 years later in the same village she passed away...

She was Belarusian and orthodox. It seems to me that her life is the embodiment of the Belarusian nature: patient, tolerant, calm... and very tenacious of life.

In the village her family was considered as a decent, well-brought-up and intelligent, family members treated one another with respect. All the six children received an education. In 1942 when my grandmother was 12 years old, Germans were in the village. Two Germans found an accommodation in the house of my grandmother's parents and forced the family to leave the house. My grandmother cleaned up in the house and told that 'one of them was good, another one – wicked'...

Grandmother completed 7 grades. Afterwards she worked at a collective farm, at the fields, at the farm. At the age of 18 the young Maria got married. It is interesting to know, that her family name did not change with the wedding, because she and her husband Vasiliy had the same family name Doronin. At present days half of the residents of the village Obukhovo have Doronin as a family name.

My grand-dad Vasiliy Romanovich Doronin was born in 1925. In 1941, at the age of 16 he left to the forest, to be a partisan. Later he wrote in his documents, that he is 18 years old, and left to the front line. We, his family, knew this secret, but till the end

Выходить за него замуж Маню отговаривали всей родней:

– П'яніца, гуляе, ня йдзі ты за яго!..

Не помогло. Маша, тихая и молчаливая, на своем стоять умела. Забегая вперед, скажу – родня оказалась права! Дед гулял и пил все жизнь. Но и бабушка от своего слова не отступилась – всегда была рядом, когда уходил – ждала, когда приходил – помогала во всем. И терпела. Так была воспитана.

Бабушка была удивительным человеком. В ней сочетались безграничная доброта, терпение, смирение, скромность, и в то же время – абсолютная твердость характера, принципиальность и надежность.

Через год после свадьбы, в 1949 году у них родился первый ребенок, мальчик Женя. В 1951 второй ребенок, дочка Зоя, моя мама. В 1956 году родился третий мальчик Толя.

В 1953 году у нее было двое детей, 4 и 2 годика. И все равно она работала, пока свекровь или ее мама смотрели детей. В основном работала в колхозе, на любой работе. Зарабатывала она не деньги, а «трудодни». То есть отработал день, и за это тебе записывали «трудодень», или полтора, или даже два, если уж совсем совершил невероятное. За «трудодни» деньги тоже не давали. Их оплачивали зерном, выделяли сено, картошку...

Уехать из деревни в то время было нельзя. Человек был приписан к деревне, как раб, и людям просто не отдавали документы. Чтобы уехать, нужно было «открепиться», иначе на новом месте тебя не взяли бы на работу, не дали бы жилья. Единственная возможность уехать была у парней. Они уходили в армию, там находили работу и оставались. Поэтому все почти все деревенские парни шли в армию, и редко кто приезжал обратно.

Мужчины и женщины были, как крепостные крестьяне. Сами пекли хлеб, ткали, держали огород... У кого-то был сад, пчелы. Работали от зари до зари – и в колхозе, и на себя. Мужчины еще могли заработать денег, женщины почти не зарабатывали, им платили «натуральными продуктами». Бабушку ценили, она работала очень добросовестно, качественно. Она была хорошей жнеей, при этом замечательно пела – в семье все были певуны, три сестры. И пели все время – во время работы, и по вечерам дома...

Мужу Василию на месте не сиделось. Он стал шофером именно потому, что можно было ездить, смотреть новые места, новых людей... Работал сначала в колхозе, потом в госпитале. Был местным «героем»! Даже милиционеры шутили, что Вася может куда угодно доехать, хотя иногда откроешь дверцу машины – он выпадет и идти не сможет. Его даже штрафовать перестали! Столько историй про него ходило: как пил, как гулял, как всех котов из госпиталя вывез в одной коробке... Многие истории, думаю, до нас не дошли...

of his life according to the documents my granddad was born in 1923. My granddad reached Berlin, fought for Königsberg. He returned home from the war only in 1947, due to added years, because he was sent to the war with Japan.

Masha and Vasya met after the war. My granddad was a very brisk fellow, he liked to have a good time, drink and flirt with women. Quite the contrary was my grandmother, she was very modest, calm and quiet... But she had fallen in love with him. Each morning she sat on the bench, wearing a scarf, and was waiting for Vasya. Granddad arrived and they went for a drive. My grandmother was very beautiful, not tall, miniature, with a long light brown plait.

All her relatives were against the marriage with him:

‘– He is a drunkard, goes on the spree, do not marry him...!’

It did not help. The quiet and taciturn Masha insisted on her choice. Running a few steps forward, I should say that her relatives proved to be right. Granddad had gone on the spree and had drunk all his life. But grandmother never retreated, she was always near. When he was away, she was waiting for him, when he came back, she helped him with everything. And she endured, because she was well brought up.

My grandmother was an astonishing person. Infinite kindness, patience, submission and modesty in her personality existed side by side with absolute strength of mind, adherence to the principles and reliability.

One year after the wedding in 1949 their first child, a boy named Zhenya was born. In 1951 the second child, a girl named Zoya, my mom, was born. In 1956 the third boy named Tolya was born.

At 1953 she had 2 children, of 4 and 2 years old. But nevertheless she worked, while her mother-in-law or her mom looked after the children. She mainly worked at the collective farm, where she was willing to do any job. She earned not money, but ‘work-days’. Which mean that a day-long work equaled to one ‘work-day’, or one and a half ‘work-day’, or even two ‘work-days’ for a very outstanding achievement. ‘Work-days’ were paid not with money. They were paid by grain, hay or potato...

At that time leaving the village was not possible. People were attached to the village, as slaves, and they did not have their documents at their hands. In order to leave the village, one should be ‘unattached’, otherwise he was not able to start a job at a new place, and was not able to get an accommodation. Only the lads had the possibility to leave the village. They went to the army, found a work there and left. Therefore nearly all village lads went to the army, and rarely came back.

Men and women were as serf peasants. They baked their bread, wove, and maintained a vegetable-garden... Some of them had a garden and bees. They worked from morning to night, both on the collective farm and their own farms. Men still could earn some money, but women seldom earned money, they were paid by ‘products of nature’. My grandmother was valued, she was a very honest worker, and did a quality

И везде – гулянки, женщины, приключения. Женщинам он нравился – высокий, веселый, рыжий... В соседней деревне он завел постоянную любовницу, о которой все знали. Бабушкина средняя дочка, моя мама, училась в одном классе с ее дочкой!... Тогда же бабушка всех удивила – сказался национальный характер. Она долго молчала, терпела, приспосабливалась к ситуации и ждала, что дед одумается... А потом не выдержала, пошла к дому этой женщины и побила ей все окна. Потом был суд, и бабушке присудили за свой счет застеклить этой женщине все окна...

Бабушка была агрессивной, только если ее серьезно доводили. Впервые в жизни она огрызнулась, даже выругалась на деда, только через много лет семейной жизни. Тот опешил:

– Глядзі ты, яна ж і ругаецца ўмее!..

Дед не стал разбираться в своей запутанной жизни, примерно в 1960 году бросил все и уехал – аж в Караганду, в Казахстан, на шахту... Там вроде бы одумался, оттуда он писал бабушке письма, слал красивые открытки «моим любимым»... А она осталась дома, работала в колхозе и тянула семью – троих детей, пожилую свекровь. Эта властная женщина рано потеряла мужа и сама подняла троих сыновей. Она всю жизнь прожила с бабушкой и дедушкой. Маша, придя в семью, сначала сильно ее боялась. Поэтому вставала раньше всех, кормила животных, убирала, готовила... Потом ухаживала за свекровью до самой ее смерти.

В результате дед вернулся к бабушке. В 1964 году родился последний, четвертый ребенок, дочка Лена. Бабушка жила в тени мужа, заботилась о доме, муже, ребенке, вела хозяйство, стирала-убирала-готовила. Она закончила курсы пчеловодства, ведь пасека была еще у ее отца, так что пчелы – семейное увлечение. Зарабатывала в колхозе, продавала мед... Дед свои деньги оставлял при себе, такого понятия, как “отдать зарплату жене”, у него не было.

Утихомирился он только с возрастом. И то – только по части женщин. Пьянки и гулянки продолжались, хотя меру свою он знал, и от работы не отлынивал. Дед шутил, что «калі б ня піў, дауно б памер». Он прожил почти до 75 лет. В конце жизни сказалось обморожение, полученное на войне – пока партизанил, обморозил ноги. В старости началась гангрена... Дедушка умер на руках у бабушки, которая ухаживала за ним до самого конца.

job. She was a good reaper, and at the same time she was a wonderful singer. Actually there were three singers in family, the three sisters. They sang all the time, during the work and at the evenings at home.

Her husband Vasiliy could not stay long in one place. He became a chauffeur, because it enabled him to travel, see new places, and meet new people. First he worked at the collective farm, later at the hospital. He was a local 'hero'! Even policemen joked, that Vasya could arrive at any place, although when you open the door of the vehicle, he may simply fall out of it, not able to walk on his own legs. They even stopped to fine him! Lots of stories were told about him, he used to drink and have a good time. Once he even took out all the cats in one box from the hospital... I think that many stories did not reach our times...

And everywhere around him were parties, women and adventure. Women liked him. He was tall, cheerful, red-haired... He had a permanent mistress in a neighbor village, everybody knew about it. My grandmother's daughter attended the same class as his mistress's daughter...! At that time my grandmother surprised everybody with her act, which was a display of the national temper.

She was silent for a long time, she endured, she adapted herself to the situation, waited and hoped that granddad will change his mind. But then she could not stand it anymore, she went to the house of this woman and broke all the windows in her house. Later my grandmother was put on a trial and was ordered to glaze all the broken windows in the house...

My grandmother was aggressive only when she was driven to despair. After many years of family life and for the first time in her life she snarled at granddad, she even swore. Dad was taken aback:

‘ - You don't say so, she can swear...!’

Granddad had no intention to examine his intricate life, so about 1960 he abandoned everything and left as far as Karaganda, Kazakhstan, to work in a mine. There he changed his mind, maybe, and wrote letters to grandmother, and sent nice post-cards to 'his beloved'... She stayed at her house, toiled at the collective farm, and worked hard at home in order to feed 3 children and a mother-in-law. This imperious woman early had lost her husband and brought up three sons on her own. All her life she lived with my grandmother and granddad. When Masha became part of her family, she feared her at the first time. Therefore she was the first to get up in the morning, she fed the animals, cleaned up, cooked. Then she nursed her mother-in-law till the very last day of her life.

As a result granddad returned home. In 1964 their fourth child, daughter Lena, was born. Grandmother lived in her husband's shadow. She took care of the house, of her husband and children. She ran the household, she washed, she cleaned and she cooked. My grandmother finished a beekeeping course, you see, her father had a

Фотографии бабушки

1, Вы видите реальные фотографии, сделанные в Оршанском районе Витебской области Беларуси. Первая датируется примерно 1949-50 г.г., вторая снята около 1969-1970 г.г. Точные даты, к сожалению, не сохранились.

На первом снимке изображена 20-летняя Мария Доронина, с мужем Василием и первым сыном Евгением. Позади – ее младшая сестра Татьяна.

На второй фотографии Марии Дорониной уже чуть за сорок. Рядом с ней снова муж Василий и сын Евгений. Девушка на фотографии – молодая жена сына, Марина.

2, Привет, Юля!

Ты просила, чтобы я прислала тебе фотографии моей бабушки. Я выбрала эти две. На них бабушка снята с мужем и старшим сыном. Как ты знаешь, всего у нее было четверо детей, двое сыновей и две дочери.

Я выбрала эти фотографии, потому что люди на них те же, но разница во времени – примерно двадцать лет. Молодая бабушка чуть испугана, взрослая – уже спокойно улыбается... Рядом – по-прежнему муж, сын с молодой женой... Мне кажется, Мария Доронина стала увереннее, жизнь закалила ее, но не сломала, несмотря ни на что.»

3, Эти фотографии сделаны в начале XX века в Оршанском районе Витебской области Беларуси. На первой из них изображена 20-летняя Мария Доронина,

bee-garden, thus beekeeping was a family passion. She earned a living by working at collective farm, and she sold honey... Granddad kept his money to himself, he never gave his salary to my grandmother.

With years my granddad calmed down; but only regarding women. He continued to drink and be on a spree, although he knew when to stop in fun, and was diligent in his work. He used to joke: 'If I had not drunk, I would have died long time ago'. He lived nearly 75 years. During the time when he was a partisan, he caught a chilblain on his legs, which worsened at the end of his life. Gangrene set in. My granddad died in the hands of my grandmother, who nursed him till the very end.

Grandmother's photographs

1, You are seeing real photographs, made in Orsha district, Vitebsk region, Belarus. The first one is from around 1949-50; the second one is from around 1969-1970. Unfortunately the exact dates cannot be defined.

On the first photograph you can see the 20 years old Maria Doronina, her husband Vasiliy and their first son Eugene. Behind is Maria's younger sister Tatiana.

On the second photograph Maria Doronina is already 40 years old. Next to her you can see again her husband Vasiliy and their son Eugene. The young girl is Eugene's wife Marina.

2, Hi, Yulia!"

You asked me to send to you some photographs of my grandmother. I chose these two. They depict my grandmother with her husband and their elder son. As you may know, they had four children, two sons, and two daughters.

I chose these photographs, because they depict the same people in a time span of approximately twenty years. My young grandmother has a slightly frightened look; my adult grandmother has a quiet smile at her lips. Next to her is her husband, son with a young wife. I believe that Maria Doronina gained self-confidence, life hardened her, but despite all the hardship she did not break.

3, These photographs are made at the beginning of 20th century in Orsha district, Vitebsk region, Belarus. On the first photograph you can see the 20 years old Maria Doronina, her husband Vasiliy and their first son Eugene. Behind is Maria's younger sister Tatiana. This photograph was taken approximately at 1949. The young woman married at the age of 18, and in the age of 19 Maria gave birth to her first child.

On the second photograph Maria Doronina is little bit over 40. Next to her you can see again her husband Vasiliy and their son Eugene. The young girl is Eugene's wife Marina.

с мужем Василием и первым сыном Евгением. Позади – ее младшая сестра Татьяна. Фотография сделана примерно в 1949 году. Молодая женщина вышла замуж в 18 лет, а в 19 лет Мария родила первого ребенка.

На второй фотографии Марии Дорониной уже чуть за сорок. Рядом с ней снова муж Василий и сын Евгений. Девушка на фотографии – молодая жена сына, Марина.

4. На этих фотографиях изображены одни и те же люди: Мария Доронина, ее муж Василий и сын Евгений. Кроме них, на первом снимке, – младшая сестра Марии, Татьяна, на втором – молодая жена Евгения, Марина.

Фотографии сделаны в Оршанском районе Витебской области Беларуси в начале XX века. Мария Доронина жила в этой местности, в деревне Обухово, всю свою жизнь... Василий из этих мест срывался дважды: сначала во время войны, затем – в Россию, на заработки. Оба раза он возвращался к семье и жене. Младшая сестра Татьяна, когда вышла замуж, переселилась недалеко – в соседнюю деревню. Уехал только Евгений – он переселился в Минск, там же познакомился с женой, и живет до сих пор.

4. These photographs depict the same people, Maria Doronina, Vasiliy and their first son Eugene. Except them we can see Maria's younger sister Tatiana on the first photograph, and Eugene's young wife Marina on the second photograph.

These photographs are made at the beginning of the 20th century in Orsha district, Vitebsk region, Belarus. Maria Doronina lived all her life in this place, in the village Obukhovo. Vasiliy twice left his native place, first during the war, second towards Russia in order to earn money. Both times he returned to his family and his wife. Maria's younger sister Tatiana after marriage moved to the neighborhood. Only Eugene left this place, he moved to Minsk, where he still lives and where he met his wife.

Марина Сторовойтова

ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА ТУСНОЛОБОВА- МАРЧЕНКО

(23 ноября 1920 – 20 мая 1980)

Герой Советского Союза

Родилась 23-го ноября 1920 года на хуторе Шевцово Витебской области. Окончила неполную среднюю школу. Окончила курсы медицинских сестёр. В Красной Армии с 1942 года. В действующей армии с апреля 1942 года.

Зинаида Михайловна Туснолобова добровольцем ушла на фронт в составе 303-й стрелковой дивизии (849-й стрелковый полк, 60-я армия, Воронежский фронт) из города Ленинск-Кузнецкий.

В июле 1942 года Зина участвовала в первом бою, перевязала первого в своей жизни раненого. Это было в дни жарких сражений за Воронеж. Уже в первых двух боях Зина вынесла из-под огня 40 раненых солдат и офицеров с их личным оружием. Её наградили орденом Красной Звезды.

Зинаида Туснолобова за 8 месяцев пребывания на фронте вынесла с поля боя 123 раненых. 2-го февраля 1943 года в бою за станцию Горшечное Курской области была тяжело ранена, обморожена, сутки пролежала среди трупов. Её подобрала разведчики, возвращавшиеся с боевого задания. Она лежала лицом вниз на розовом снегу. Восемь мучительных операций следовали одна за другой: ампутировали ноги до колен, руки, но Зина всем смертям назло выжила.

В мае 1944 года Зинаида Туснолобова обратилась к воинам 1-го Прибалтийского фронта. Её письмо зачитывали повсеместно.

После госпиталя Зинаида вернулась в Ленинск-Кузнецкий, встретилась со своим мужем Иосифом Марченко, им выделили небольшую комнату в неблагоустроенном бараке, сырую и холодную. Родились двое детей, которые в таких условиях прожили недолго. И тогда решили попытать счастья, уехали в город Полоцк, разрушенный войной. Им помогли построить дом. Там Зина родила двоих детей, занималась общественной работой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6-го декабря 1957 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой

Marina Storovoytova

ZINAIDA MIKHAYLOVNA TUSNOLOBOVA- MARCHENKO

(November 23, 1920 – May 20, 1980)

Hero of the Soviet Union

She was born on November 23, 1920 on the farmstead Shevtsovo of Vitebsk region. She graduated a junior secondary school. She completed a nursing course. In 1942 she was enrolled in Red Army. She was in front-line forces since April 1942.

Zinaida Mikhaylovna Tusnolobova volunteered for the Army and left to the front as part of rifle division nr. 303 (rifle regiment nr. 849, army nr. 60, Voronezh front) from the town Leninist-Kuznetsk.

In July 1942 was her first battle, she bandaged the first wounded man in her life. It was in days of heavy battles of Voronezh. Already in the first two battles Zina carried out from the battlefield 40 wounded soldiers and officers and their weapon. She was rewarded with the Order of Red Star.

During 8 months, which Zinaida Tusnolobova spent on front, she carried out from the battlefield 123 wounded men. On February 2, 1943 in the battle for the station Gorshechnoye of Kurskiy district she was seriously wounded and received a chilblain, she lay among the dead. She was found by intelligence officers, who were returning from a military mission. She lay there with her face buried in a rosy snow. Eight painful operations followed one after another, her legs were amputated up to her knees, but despite all the horrors she managed to survive.

In May 1944 Zinaida Tusnolobova addressed a letter to the soldiers of the 1st Baltic front. Her letter was read everywhere.

After the hospital Zinaida returned to Leninist-Kuznetsk and met her husband Joseph Marchenko. They received a small room in an ill-equipped barrack, which was damp and cold. They had two children, but both had died because of poor housing

Отечественной войны Тусноловой-Марченко Зинаиде Михайловне присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 10842).

Осенью 1965 года Международный Комитет Красного Креста наградил З.М. Туснолову-Марченко медалью Флоренс Найтингейл. Она стала третьей советской медсестрой, удостоенной этой почётной награды.

Письмо Зинаиды Тусноловой

1, Выбранный мной предмет – это ПИСЬМО. Не конкретное, имеющее адресата и отправителя, а письмо как явление, имеющее для моей прародительницы огромное значение.

(Музейный экспонат)

Открытое письмо Зинаиды Тусноловой воинам 1-го Прибалтийского фронта (май 1944-го года)

«Отомстите за меня! Отомстите за мой Родной Полоцк! Пусть это письмо дойдет до сердца каждого из вас. Это пишет человек, которого фашисты лишили всего – счастья, здоровья, молодости. Мне 23 года. Уже 15 месяцев я лежу, прикованная к госпитальной койке. У меня теперь нет ни рук, ни ног. Это сделали фашисты.

Я была лаборанткой-химиком. Когда грянула война, вместе с другими комсомольцами добровольно ушла на фронт. Здесь я участвовала в боях, выносила раненных. За вынос 40 воинов вместе с их оружием правительство наградило меня орденом Красной Звезды. Всего я вынесла с поля боя 123 раненых бойца и командира.

В последнем бою, когда я бросилась на помощь раненому командиру взвода, ранило и меня, перебило обе ноги. Фашисты шли в контратаку. Меня некому было подобрать. Я притворилась мертвой. Ко мне подошел фашист. Он ударил меня ногой в живот, затем стал бить прикладом по голове, по лицу... И вот я инвалид. Недавно я научилась писать. Это письмо я пишу обручком правой руки, которая отрезана выше локтя. Мне сделали протезы, и, может быть, я научусь ходить. Если бы я хотя бы еще один раз могла взять в руки автомат, чтобы расквитаться с фашистами за кровь. За муки, за мою исковерканную жизнь!

conditions. So they decided to try their luck and moved to town Polotsk, which was destroyed by war. They received help in the construction of their house. There Zina gave birth to two children and was involved in social work.

By the Decree of the Supreme Soviet of the USSR dated December 6, 1957, Zinaida Mikhaylovna Tusnolobova-Marchenko was rewarded with the Title of Hero of the Soviet Union with the presentation of the Order of Lenin and medal of 'Gold Star' (№ 10842) for exemplary fulfillment of the military mission of the command, and for display of courage and heroism in the battles against Fascist-German aggressors in the years of World War II.

In the fall of 1965 the International Committee of the Red Cross awarded Z.M. Tusnolobova-Marchenko a medal of Florence Nightingale. She became the third Soviet nurse awarded this honorable reward.

Letter of Zinaida Tusnolobova

1, The object which I have selected is a LETTER. This is not a common letter, which has an addressee and a sender. But it is rather a phenomenon, which had a great importance for one of mine female ancestors.

(Museum exhibit)

Open letter of Zinaida Tusnolobova to the soldiers of the 1st Baltic front (May 1944):

"Revenge me! Revenge my native Polotsk! Let this letter reach the heart of each of you. This letter is written by a woman, who was deprived of everything by fascists. I lost my happiness, health and youth. I am 23 years old. For the last 15 months I lie at a hospital cot, I am unable to move. Now I have no hands, no legs. The fascists made it to me. I was a chemist laboratory assistant. With the start of the war together with other Kom-somol members I volunteered and left to the front. I fought in the battles, carried out the wounded. Because I carried out 40 wounded soldiers and their weapon, I was rewarded by the government with the Order of Red Star. In total I carried out from the battlefield 123 wounded soldiers and officers. In the last battle, when I tried to help a wounded platoon commander, I myself had been wounded in the legs. Fascists rushed to the counter-attack. Nobody was left to carry me out. I pretended to be dead. I was approached by a fascist. He kicked me with his leg in

У меня есть брат. Он не может больше мстить за меня: он теперь тоже остался без руки. Это сделали фашисты. У меня был муж, лейтенант. Его убили. Это сделали фашисты. Я была молода и счастлива. Теперь я калека. Это сделали фашисты.

Русские люди! Солдаты! Я была вашим товарищем, шла с вами в одном ряду. Теперь я не могу больше сражаться. И я прошу вас: отомстите! Вспомните и не щадите проклятых фашистов. Истребляйте их как бешеных псов. Отомстите им за меня, за сотни тысяч русских невольниц, угнанных в немецкое рабство. И пусть каждая девичья горячая слеза, как капля расплавленного свинца, испепелит еще одного немца...»

Перед вами письмо Зинаиды Тусноловой воинам 1-го Прибалтийского фронта, написанное в мае 1944 года. Это одно из тех писем, которое приблизило Победу. А сколь их было? Представьте, что значило получить письмо со словами «я жив» от близкого человека, который воюет, и каждый день рискует умереть. Это придавало сил, помогало выстоять тысячам людей, чьи сыновья, дочери, мужья, братья и просто друзья были на фронте. Каждое письмо было глотком живой воды для фронтовиков. Зинаида вдохновляла своим примером даже тех, кто уже давно потерял веру. Слова в ее письмах выстраивались в браню, которую не под силу разбить даже самому лютому врагу.

2, Здравствуй, мой далекий друг!

Как ты поживаешь? Так захотелось поговорить с тобой! И вот пишу тебе письмо.

Письмо... Всего лишь листок бумаги. Но этот листок помогает нам общаться и не замыкаться в себе. Смотри. На листке что-то написано. Обычный исписанный листок, но он пробуждает какое-то щекочущее чувство. Неудивительно: думаю и тебе, и любому другому человеку приятно прочитать строки, написанные кем-то близким и родным.

А если у тебя больше нет близких и родных?

Если их вырвала из твоего сердца война?

А так хочется получить заветный «треугольник», в котором знакомым подчерком написаны самые милые сердцу слова....

Зина Туснолова была тем самым голубем с письмом в клювике, который приносил не просто письма, а надежду на жизнь. Каждое ее письмо было угольком, который разжигал костер надежды на Победу.

А ведь казалось бы, всего лишь листок бумаги.

the stomach, and then he started to strike me with his rifle-butt in the head and in the face. Now I am a disabled person. Recently I learned to write. I am writing this letter with a stump of my right hand, which was cut off above the elbow. I received artificial limbs, and perhaps I will learn to walk. I wish I could take in my hands an automatic weapon and settle up accounts with the fascists. For all the blood, all the suffering, and my distorted life!

I have a brother. He cannot revenge me, because now he is also left without a hand. The fascists made it to him. I had a husband, a lieutenant. They killed him. The fascists made it to him. I was young and happy. Now I am a cripple. The fascists made it to me.

Russian people! Soldiers! I was your comrade; I marched next to you in a tight formation. Now I cannot fight anymore. I am begging you: revenge me! Remember me and show no mercy to cursed fascists. Exterminate them as rabid dogs. Revenge on them for me, for hundreds of thousands of Russian female captives, driven away into the German servitude. And let each girl's bitter tear, as a drop of lead, burn to ashes one more German...

Before you is a letter of Zinaida Tusnolobova to the soldiers of the 1st Baltic front written on May 1944. It is one of those letters, which helped the victory to approach. And how many such letters were written? Can you only imagine, what did it mean to receive a letter with words 'I am alive' from a beloved person, who fought and risked his life each day? This gave strength, encouraged thousands of people, whose sons, daughters, husbands, brothers and just friends were at the front. Each letter was as a drink of live water for those who fought at the front. Zinaida's example inspired even those who had lost their fate long time ago. The words of her letter formed an invincible shield which provided protection against a mortal enemy.

2, How do you do, my distant friend!

How are you? I wanted to talk to you very much! So I am writing this letter.

A letter is only a piece of paper. But this piece of paper helps us to associate with one another and not to withdraw into oneself. Look, there is something written on the paper. This is a common paper, full of notes, but somehow it evokes some tickling feeling. It is not surprising, because I think that you and everybody else feel happy when reading the lines, written by a beloved person.

And what if you do not have any beloved person?

What if they were taken away from you by the war?

But you are still dreaming about receiving the cherished 'triangle', which contains the sweetest words for your heart, written by such a familiar handwriting.

Письмо было единственным средством общения для нее, для человека, который пережил восемь мучительных операций одна за другой: ампутировали ноги до колен, руки. Рядом никого нет, а так хочется поговорить. Тогда берешь листок. Ничего, только молчание. Но именно с ним ты можешь быть откровенен, не забудешь сказать о самом важном, а том чего так ждут на фронте, а надежде. И так шаг за шагом, шаг за шагом, и вот она – Победа!

3, Письмо Зинаиды Тусноловой на фронт. Изучать историю Великой Отечественной войны можно по учебнику, а можно и по письмам Героя Советского Союза Зинаиды Михайловны Тусноловой. Читая эти письма, вы как нельзя лучше прочувствуете и поймете чего стоила победа, какую цену за нее заплатили наши воины. Даже получая ранения, не совместимые с жизнью, люди не имели права. Они продолжали свой подвиг в тылу, приближая с каждой написанной строчкой окончание войны.

Zina Tusnolobova was one of those pigeons who have the letter in their beak, but bring not only letters, but a hope of life. Each one of her letters was a small piece of coal, which helped to ignite the campfire of the hope, a hope for victory.

But at first glance it is only a piece of paper.

For her, a person, who survived eight painful operations, whose legs were amputated up to the knees, the letter was the only means of communication. You are eager to talk, but there is nobody near you. So you take a piece of paper. Silence is all around. But now you can be frank, you can tell about the most important things, about the hope, so much awaited at the front. By moving in such a way, step after step, you can come to the Victory!

3, Letter of Zinaida Tusnolobova to the front. One can learn about the history of the World War II from the books, but it is also possible to learn about it from the letters of Zinaida Mikhaylovna Tusnolobova, the Hero of the Soviet Union. By reading her letters, you will gain a deep understanding of the price, which our soldiers paid for the victory. Even those, who had suffered the severest wounds, did not have the right to sit down and rest. They continued their heroic deeds on the home front, and with every written line they accelerated the end of the war.

АННА ЕФИМОВНА БРЮХАНОВА, БАБУШКА (Август 1907 – июль 1988)

Родилась в Сибири, в деревне Усть-Колба Кемеровской области.

Образование начальное – 4 класса церковной школы – в деревне это было много, вероисповедание православное (какое-то время – должна была считаться атеисткой, афишировать веру запрещалось, но когда ушла на пенсию, стала опять прилежной христианкой).

1924 год – вышла замуж за строителя Григория Брюханова из Тюмени и уехала с ним на Рудники в Амурскую область, Дальний Восток, где работала рабочей.

1925 и 1927 – рождение двух дочерей, но в декретном отпуске не была, а сразу пошла работать.

1932 год – муж был арестован и осужден сталинской тройкой без права переписки, его расстреляли, а в 1956 он был посмертно реабилитирован.

1935 год – стройки Сибири, Улан-Уде, Урал.

1938 год – вступила в Коммунистическую партию (других не было).

С 1940 года и во время ВОВ работала на стройках в городе Омске, Сибирь (туда было эвакуировано много предприятий из городов, занятых немцами).

1944 год – приехала в город Минск, восстанавливать его из руин (Минск был полностью разрушен).

Она переезжала в разные регионы Советского Союза, работала на стройках, встречалась со многими людьми разных национальностей (на стройках работали люди со всех республик СССР) и разных вероисповеданий, но тогда открыто было запрещено верить в бога и поддерживать культовые традиции, я это помню (детей крестили тайно, Пасха, Рождество происходили тайно также).

ANNA EFIMOVNA BRYUKHANOVA, GRANDMOTHER
(August 1907 – July 1988)

She was born in Siberia, in the village of Usty-Kolba, Kemerovskiy region.

She received an elementary education, 4 classes in a church school, which were enough in a village. She was an orthodox (for some time she was considered an atheist, because the religion was forbidden, but when she retired on a pension, she became a diligent Christian).

In 1924 she married a constructor worked Grigoriy Bryukhanov from Tyumeny and left with him towards the mines of Amur region, the Far East, where she worked as a laborer.

In 1925 and 1927 she gave birth to her daughters, she did not take a maternity leave, but returned to work straight away.

In 1932 her husband was arrested and condemned by Stalin's troika without the right of correspondence, he was shot. In 1956 he was posthumous rehabilitated.

In 1935 she worked at the construction sites of Siberia, Ulan-Uhde, Ural.

In 1938 she entered the Communist Party (there was no other party at that time).

In 1940 and during the WWII she worked at the construction sites of the town Omsk, Siberia (lots of factories from the territories, occupied by Germans, were evacuated here).

In 1944 she arrived to Minsk to rebuild it from the ruins (Minsk was completely destroyed).

She worked at the construction sites in the different regions of the Soviet Union. She met people of different nationalities (at the construction sites were people from all the republics of the USSR) and different religion. But at that time it was forbidden to believe in God and to attend a church. I can recall that children were baptized secretly; Easter and Christmas were also celebrated in secret.

My grandmother left her parents a long time ago, but when she worked in Minsk and children had grown up and left her house, she visited her parents in Siberia each year during the vacation and she helped them (I was there in my childhood and remember my grand-grandmother and my grand-granddad).

She received a well-deserved room in a communal flat.

In 1953 she was already a widow and worked in the town council of Minsk. 5 years prior to my birth she retired on a pension and frequently went to Siberia – the place of her childhood.

Бабушка надолго уехала от своих родителей, но, уже работая в Минске и вырастив детей, она ежегодно в отпуск ездила в Сибирь помогать родителям (я там была в детстве и помню своих прабабушку и прадедушку).

Она получила заслуженную комнату в коммунальной квартире.

В 1953 году – она уже была вдовой и работала в ГорСовете города Минска, ещё за 5 лет до моего рождения ушла на пенсию и часто ездила в Сибирь, где прошло её детство.

Швейная машинка

После бабушки сохранилось несколько предметов, которые она любила и которыми дорожила.

Один из них – старая ручная швейная машинка Подольская, она была изготовлена в 1939г. и вручена бабушке в качестве премии за ударный труд вместе с орденом «За доблестный труд».

Такая машинка была большой ценностью в то время, потому что купить их было трудно, да и стоили они дорого, а шить приходилось всё: от нижнего белья до верхней одежды. Бабушка очень дорожила этой вещью, и гордилась ею.

В то время, люди, которые умели шить и имели машинки, были уважаемыми, машинка давалась соседям, для них шили какие-то вещи. Поэтому бабушка с детства приучала мою маму и её сестру шить себе разные вещи и многие воспоминания были связаны с этим.

Когда были голодные времена, шитьём зарабатывались деньги и продукты.

Бабушка до последних дней как с человеком обращалась с машинкой, разговаривала с ней, называла кормилицей. Куда бы она не переезжала, а ездила она по всей стране, она всюду возила с собой её любимую «кормилицу».

Мама рассказывала, что, когда она заканчивала школу, не было денег купить ей выпускное платье, и бабушка за одну ночь сшила ей очень красивое платье. Мама была очень счастлива и считала себя самой красивой на выпускном балу.

Теперь нет надобности иметь швейные машинки, так как много хороших и качественных швейных изделий продается.

Машинка швейная «Подольская – 126»

Выпуск 1936 года

Подольский Завод Швейных Машин

Подольские машины в СССР ценились на равнее с немецкими «Зингер».

Sewing machine

Only a few objects of my grandmother managed to survive and reach present days. She loved and valued these objects very much.

One of them is an old manual Podolskaya sewing machine. It was manufactured in 1936 and was presented to my grandmother as a reward for exemplary work together with the order 'For the Valiant Labor'.

Such a sewing machine was highly valued at that time, because it was difficult to buy, and it was expensive, and people had to sew their clothes themselves, from underwear till outer clothing. My grandmother treasured this object and was very proud of it.

At that time a person, who could sew and had a sewing machine, was respected. Neighbors borrowed the sewing machine, and some clothes were sewed for them. Therefore my grandmother accustomed my mom and her sister to sew various clothes for themselves, and lots of childhood memories are connected with this.

During hungry times money and foodstuff were earned by sewing.

Till her last day my grandmother treated the sewing machine as a human being, she spoke to it, called it a bread-winner. Whenever she moved to a new place, and she changed a lot of residences, she always took her beloved 'bread-winner' with her.

My mom had told me that, when she graduated from school, there was no money to buy her a ball-dress, and my grandmother sewed a beautiful dress for her over one night. My mom was very happy and considered herself as the most beautiful girl of the graduation ball.

Nowadays there is no need to have a sewing machine, because one can choose from a great variety of good-quality ready-made garments.

Sewing machine "Podolskaya – 126"

Manufactured in 1936

Podolskaya Sewing Machine Plant

In the USSR Podolskaya sewing machines were of equal value as the German 'Singer' sewing machines.

Я выбрала этот предмет потому что он:

- СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ,
- до сих пор бережно хранится в нашей семье,
- он помогал выжить в трудные голодные времена,
- был наградой нашей прародительнице за её труд.

I chose this object, because it is:

- A FAMILY RELIC,
- until now it has been stored in our family and handled with great care,
- it helped to survive in the difficult and hungry times,
- was awarded to my female ancestor for her labor.

ОПИСАНИЕ ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСКИХ ЖЕНСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ»

Целью этого проекта было передать полученный из первых рук опыт, приобретенный при поддержке женских движений в авторитарных режимах в Центральной и Восточной Европе; целенаправленный тренинг групп в областях проект-менеджмента, коммуникации и фандрайзинга; и облегчение создания сети между белорусскими женскими НГО, предоставляя этим возможность работать вместе для более широкого распространения женских прав.

Первое событие проекта «Развитие Беларуских Женских Движений и Организаций – Права Женщин в Беларуси: Движущая Сила» проходило между 21-24 февраля, 2008г., в городе Тракай, Литве.

Цель этой первой встречи состояла в обеспечении участников теоретическими и практическими знаниями из области гендерной теории, женской устной истории, писания проектных заявок и навыков коммуникации. Участники также получили возможность практиковать полученные навыки в форме пробных интервью с воображаемыми донорами или журналистами, некоторые из них были также записаны на видеокамеру.

Доктор Андреа Петё, Доцент Центрального Европейского Университета, провела первую лекцию семинара о главных теориях гендера. Особое внимание было обращено на необходимость многостороннего анализа дефиниции гендера для ясного понимания процессов.

На этой встрече особое внимание обращалось на фандрайзинг, так как участники привезли свои собственные идеи будущих проектов с собой. Здесь мы должны упомянуть незаменимое соучастие Эстер Вонк от фонда Мамакэш и Шандора Кёлеша, Директора Программ ICDT.

Участникам в течение встреч больше всего понравились занятия направленные на практические знания и опыт: два упражнения с ролевыми играми, консультация, а также открытие выставки «Прародительница» получили высшие средние отметки на оценочном листе участников.

Опросные листы с оценками и неформально переданные мнения участников содержали минимум отрицательных элементов и много раз подчеркнули, насколько полноценными и информативными оказались встречи в рамках проекта.

PROJECT DESCRIPTION – STRENGTHENING THE CAPACITY OF BELARUSIAN WOMEN MOVEMENTS AND ORGANIZATIONS

The aim of the project was to transfer first-hand experience gained in the building of women's movements under authoritarian regimes throughout Central and Eastern Europe; to educate and train the targeted groups in areas such as project management, communication and fundraising; and to facilitate networking between Belarusian women NGOs with a view of enabling them to work together to better promote women's rights.

The first event of the project 'Strengthening the Capacity of Belarusian Women Movements and Organizations – Women's Rights in Belarus: A Force Forward?' took place from February 21-24, 2008, in Trakai, Lithuania.

The aim of this first meeting was to provide theoretical and practical knowledge for the attendance in fields of gender theory, women oral history, project proposal writing and communication skills. The participants were also given the opportunity to practice the obtained skills in form of stand-up interviews with imaginary donors or journalists, some of them were also recorded on video camera.

During the workshop the participants took part on a lecture of Dr. Andrea Pető, *Central European University*, telling about the main gender theories, which was followed by the first Foremother seminar. Since most of the participants chose someone from their family, the session was emotionally very moving, and also gave a good overview of the 20th century history of the region. The exercise also served as an ice breaker, since some of them followed the instructions sent to them in the information package and brought with them photos and stories about their foremothers.

Further during the first meeting the group visited the Vilnius Gender Centre (Vilnius University), where a roundtable discussion took place on the possibilities of gender education and on difficulties of connecting academia, public policy and NGO activism. The participants took part also on project proposal writing and project management seminars by Cesar D. Beltran, *Senior Advisor of the ICDT* and a scenario exercise, developing strategic thinking, was held by Péter Kolossa, *Project Manager of the ICDT*.

The second event of the project took place between 26-29 April, 2008 in Vilnius, Lithuania. The aim of this second meeting was to provide the opportunity for the participants to apply in practice the theoretical and practical knowledge in fields

of gender theory, women oral history, project proposal writing and communication skills gained during the first seminar of the project.

During this meeting the second Foremother seminar was conducted by Dr. Pető and Berteke Waaldijk (*Athena3*), the exercise ended with an installation prepared by the participants.

The participants were also given the possibility to learn about the know-how of holding campaigns from Lina Alameddine, *Chairperson of the Lebanese women organization PCDD*, and got to know the problem of unequal picturing of men and women in the media, presented by Nebojsa Radic, *Advisor of the ICDT*.

On this meeting special attention was drawn to fundraising, since the participants brought their project ideas with them. Here we should mention the contribution of Esther Vonk, *Mamacash* and Sándor Köles, *Senior Vice President for Projects and Development of the ICDT*.

The participants favored the sessions with the focus on practical knowledge and experience during both meetings, the two workshops with the role-plays, the consultation and the opening of the Foremother installation got the highest average score in the participants' evaluation.

The evaluation sheets and informal feedback both contained minimal negative elements and the usefulness and the training value of the events was underlined many times.

ВЫСТАВКА «ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА» –
27-Е АПРЕЛЯ 2008Г., ВИЛЬНЮС, ЛИТВА

The 'Foremother' Installation – April 27 2008, Vilnius, Lithuania

Фото-эссе Кирайн Бакс (АФИНА)

Photo-essay by Quirijn Backxs (ATHENA3)

Подготовка к выставке –
Марина Сторовойтова
Preparing for the installation
– Marina Storovoytova

Подготовка к выставке –
участники семинара
Preparing for the exhibition
– participants of the work-
shop

Плакат выставки

The billboard of the installation

Шандор Кёлеш, Директор Программ Международного Центра Демократического Перехода открывает выставку

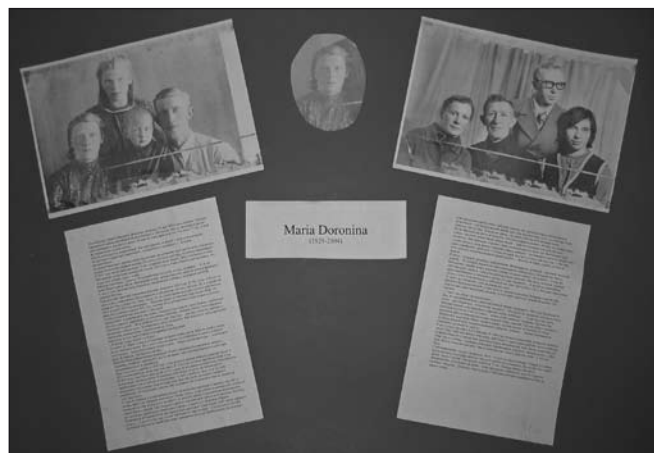
Sándor Köles, Senior Vice President for Programs and Development of the ICDT opens the installation

Посетители выставки – на переднем плане Андреа Петё и Петер Колошша, Проект Менеджер Международного Центра Демократического Перехода
The audience of the installation – in front Andrea Pető and Péter Kolossa, Project Manager of the ICDT

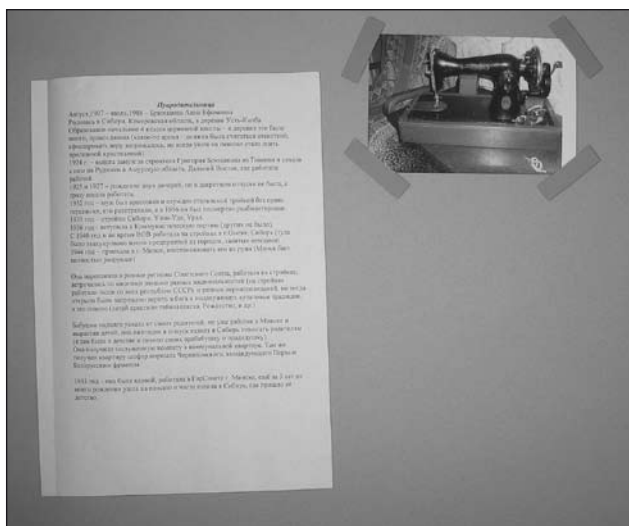
Зинаида Туснолובה,
 прародительница Марины
 Сторовойтой
*Zinaida Tusnolobova –
 the foremother of Marina
 Storovoytova*

Мария Доронина,
 прародительница Ольги
 Шестаковой
*Maria Doronina – the fore-
 mother of Olga Shestakova*

Татьяна Кнотько рассказывает
 Шандору Кёлешу об Анне
 Кнотько
*Tatiana Knotko tells Sándor Köles
 about Anna Knotko*

Швейная машинка
Анны Брюхановой
– экспонат Галины
Устиновой
*The sewing machine of
Anna Bryukhanova – by
Galina Ustinova*

Надежда Гельманайтис
и ее тетрадки –
экспонат Юлии
Ляшкевич
*Nadezhda Gelmanaytis
and her notebooks – by
Yulia Liashkevich*

Одна из книг Ларисы Гениуш – экспонат Александры Дынько
One of Larisa Geniyush's books – by Alexandra Dynko

Ольга Шестакова рассказывает Бертеке Ваалдайк и Нино Явакишвилли о
 Марии Дорониной
*Olha Shestakova tells Berteke Waaldijk and Nino Javakhishvili about Maria
 Doronina*

Физические экспонаты на выставке...

Exhibition materials to touch...

...и виртуальная выставка – фото-слайды на стене

...and the virtual exhibition – a slide-show on the wall

The International Centre for Democratic Transition (ICDT) is a non-profit organization based in Budapest, which collects the experiences of past democratic transitions and shares them with those who are determined to follow that path. Instead of promoting democracy in general, the ICDT sets more concrete and pragmatic goals, concentrating on democratic transition as a process. The Centre strives to show how dozens of young democracies have made and are making the transition, so that those who set off on this difficult journey from dictatorship to democracy in the future may learn from the successes as well as the failures.

International Centre for Democratic Transition (ICDT)
1022 Budapest, Árvácska utca 12
Phone: +36 (1) 438 0820 • Fax: +36 (1) 438 0821
E-mail: info@icdt.hu • Website: <http://www.icdt.hu>